

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Институт языкознания РАН

Ланьчжоуский политехнический университет

Понимание и рефлексия в России

Международная научно-практическая конференция

г. Тверь, 29—30 ноября 2019 г.

Тезисы докладов

Тверь, 2019

УДК 801.73

ББК 80.9

П56

Редакционная коллегия: д. филол. н., проф. Н. Ф. Крюкова,
канд. филол. н., доцент М. В. Оборина

Ответственные редакторы: М. В. Оборина, М. Е. Отставнов

П56 Понимание и рефлексия в России. Сб. тезисов докладов на международной научно-практической конференции (г. Тверь, 29—30 ноября 2019 г.) / Отв. ред. М. В. Оборина, М. Е. Отставнов. — Тверь: Тверской государственный университет, 2019. — 151 с.

ISBN 978-5-7609-1494-1

Сборник содержит тезисы, представленные к международной научно-практической конференции «Понимание и рефлексия в России», проведенной на базе Тверского государственного университета 29—30 ноября 2019 г. и посвященной 90-летию юбилею заслуженного деятеля науки России Г. И. Богина (1929—2001). Их тематика: история исследований понимания и рефлексии в России и мире, а также результаты актуальных исследований по герменевтической проблематике.

Для научных работников, педагогов, студентов и аспирантов специальностей, связанных с герменевтикой, исследованием рефлексии и понимания.

Ключевые слова: герменевтика, философская герменевтика, филологическая герменевтика, психология понимания, понимание, рефлексия

Издание подготовлено в свободном словарном процессоре «LibreOffice Writer» с использованием свободного шрифта «Old Standard» Алексея Крюкова.

© Составление. Тверской государственный университет, 2019.

Права на включенные произведения принадлежат их авторам.

ISBN 978-5-7609-1494-1

Современные методы исследования в аудиовизуальном переводе: путь к пониманию

Е. В. Александрова

(Мурманский арктический государственный университет,
г. Мурманск)

Современное развитие науки и техники позволяет учёным проводить междисциплинарные исследования как в гуманитарной сфере, так и в точных науках. Интеграция естественнонаучных методов в гуманитарные исследования позволяет открывать новые закономерности. Аудиовизуальные произведения представляют собой мультисемантические единства, в которых информация поступает по различным каналам: вербальному, невербальному, аудиальному и невербальному визуальному. Восприятие и понимание целого произведения складывается из восприятия различных семантических систем, которые неразрывно связаны друг с другом. Методы лингвистических исследований не всегда могут позволить выявить взаимосвязи и взаимовлияние различных каналов информации. Естественнонаучные методы позволяют рассмотреть объект гуманитарных исследований в новом свете.

Российские и зарубежные междисциплинарные исследования аудиовизуального перевода направлены на улучшение его качества и выработку стратегий его создания с учётом новых знаний, полученных посредством естественнонаучных методов за послед-

ние 15—20 лет. В западном переводе важное место стали занимать экспериментальные исследования в аудиовизуальном переводе. Среди них окулографические (айтрекинговые) исследования, электроэнцефалографические исследования, отслеживание гальванической реакции кожи, а также частоты сердцебиения.

Такого рода исследования широко применяются к различным видам аудиовизуального перевода: субтитрованию, субтитрованию для глухих, дублированному переводу, переводу под закадровое озвучивание и аудиодескрипции.

Окулографические исследования позволяют определить фиксации взгляда на объектах видеоряда, длительность фиксаций и их частоту, саккады (движение взгляда), что позволяет высчитать оптимальное количество знаков в субтитре, расположение субтитра на экране, определить приоритетность информации для подготовки сценария аудиодескрипции.

Электроэнцефалографические исследования позволяют оценить регистрацию активности головного мозга при просмотре аудиовизуального произведения, что помогает определить когнитивную нагрузку и реакцию на неё.

Отслеживание гальванической реакции кожи (электрической активности) и частоты сердцебиения позволяет определить эмоциональную реакцию организма на составляющие компоненты видеоряда.

Перечисленные выше методы могут использоваться как по отдельности, так и комплексно в сочетании друг с другом и с классическими гуманитарными методами (нарративное интервью, исследовательский диалог и так далее).

Жанровое чтение как способ понимания текста
(элегии А. Парщикова, Б. Попова,
Г. Газизуллина, Е. Вербина)

С. Ю. Артёмова

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

Жанр мыслится чаще всего как информация «о способе понимания предложенного текста». Жанр является системой правил, известной автору и читателю, жанровые правила составляют основу литературного процесса.

Жанры поэзии XIX—XX вв. чрезвычайно трудно соотносить с исторически сложившимися, каноническими жанрами. Тем не менее доказывать, что «произведение возможно лишь в форме определенного жанра», казалось бы, уже нет необходимости. Зато есть необходимость всякий раз при изучении каждого конкретного текста вновь определять его жанровую природу.

Мы попробуем показать специфику жанрового анализа лирики на примере элегий второй половины XX в. Л. Г. Кихней подчеркивает важность авторских деклараций жанра при прочтении произведения. Изначально в русской жанровой традиции и до сегодняшнего дня элегия в сознании авторов и читателей связана с особым эмоциональным настроем (печаль) и, соответственно, имеется ряд образов, этот настрой провоцирующих: кладбище, руины и т. д.

Стихотворение Парщикова «Элегия» лишено как эмоциональных маркеров элегии, так и устоявшихся мотивных комплексов. Внешний сюжет стихотворения довольно прост — лирический субъект, гуляя, видит у водоема жаб (лягушек), и эта картинка запускает цепь ассоциаций. Тоска из-за несовершенства мира уступает место тоске по мировой культуре. На место канона приходит «внутренняя мера жанра», которая и определяет облик элегии второй половины XX в.

Ярче всего замена канона внутренней мерой жанра видна в шуточных и пародийных текстах. Например, в стихотворении Г. М. Газизуллина «Трансцензус» (с подзаголовком «Элегическая шуточка») мы видим все признаки канонической элегии, собранные вместе и гипертрофированные. Здесь есть и тоска, и смерть, и элегическое одиночество, и обращение к господу и вере, и весенняя лихорадка, и осознание собственной раздвоенности (сердце поэта в груди бухгалтера). Но место тоски занимает самоирония, лирический субъект смотрит на себя и свою элегическую печаль как бы со стороны и смеется над собой.

Вообще такое определение элегии как «ироническая» частотно в поэзии конца XX в. Подобные примеры мы видим и в стихотворении Бориса Попова «Ироническая элегия». Неслучайно ритмически стихотворение перекликается со стихотворением Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво», при этом содержательно противоречит ему: если пастернаковский лирический субъект весь погружен во внутреннюю жизнь и самореализацию,

то герой стихотворения Попова вписывает себя во внешний ряд успешных людей. Однако в финале именно эпоха уравнивает столь разное отношение героев к жизни и творчеству: «инженеры душ» пишут «доносы друг на друга», противопоставление прошлого и настоящего оказывается эфемерным, ничего не меняется.

У Е. Вербина есть и более ироническая трактовка жанра элегии в цикле «Маленькие элегии». В этом тексте проявляется принцип современной элегии — найти какой-нибудь идиллический тезис и опровергнуть его, найти афористический изъян.

Элегия оказывается тем жанром, который позволяет реализовать тоску по тоске. Элегия демонстрирует «память жанра» и в то же время движется вперед, переходит либо в сатиру, либо в иронию и самоиронию, либо отрицает саму возможность элегического мироощущения при наличии элегического дискурса.

Французский элемент русского мира (по произведениям И. С. Шмелева)

З. Н. Афинская

(Московский государственный университет, г. Москва)

Языковая личность выражена в разнообразных, стилистически многообразных, порождённых ею текстах, это «личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [1: 3]. Как утверждал Г. И. Богин, языковая личность обладает способностью не только создавать свои речевые образцы, но и принимать произведения речи своих собеседников, включая их в орбиту своей речевой деятельности [2].

Язык, по Гадамеру, одному из основателей современной герменевтики, является универсальной средой, в которой осуществляется понимание смыслов высказывания. Исследование языка героев художественной литературы делает возможным обнаружить то, что составляет, с одной стороны, индивидуальность каждого персонажа, запечатленного в художественном произведении. С другой стороны, становится возможным увидеть в литературном герое представителя определенной исторической эпохи, и на основе интерпретации речи того или иного персонажа составить представление о национальной культуре того времени.

Проблема «человек и его язык» исследуется в нескольких плоскостях: с целью изучения системы языка и для того, чтобы

осмыслить функционирование языка в ту или иную эпоху в разных социальных слоях общества, составляющих вместе «русский мир». Рассказы И. С. Шмелева позволяют услышать во всей яркости особенности знаменитого московского говора, одного из оснований фундамента русского мира. Писатель запечатлел «русский дух» Москвы, в котором важнейшим элементом был язык — «густая, древняя Москва из Замоскворечья», по словам Б. Зайцева.

В трехуровневой системе анализа языковой личности, сформулированной Ю. Н. Карауловым, третий уровень предполагает выявление мотивационных критериев её деятельности. На этом уровне наиболее значимы представления о смысле бытия, о цели жизни, жизненные и социально-психологические установки каждого человека и, в обобщенном виде, национальной личности. Национальные корни культуры и языка составляют основу неповторимости каждой культуры и делают тем самым каждого человека интересным для других культур и языков. Родной язык имеет первостепенное значение в формировании личности и национально ориентированного восприятия окружающего мира. Между тем, функция *чужого* языка и *чужой* культуры (в частности, французского языка и французской культуры в картине русского мира) в условиях реальной языковой практики представляет определенный интерес.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М., 2010. 264 с.
2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидности текстов: автореф. дисс. докт. филолог. наук. Л., 1984. 31 с.

Особенности передачи межъязыковой игры слов

Ю. А. Бабаева

(Тверской государственной университет, г. Тверь)

В докладе рассматриваются особенности межъязыковой игры слов как элемента художественного текста и возможные способы её адекватной передачи в переводе. Показана универсальность принципа языковой игры, передача которой анализируется с позиций герменевтической теории перевода.

Ключевые слова: текст, понимание, интерпретация, перевод, языковая игра.

1. Игра слов появляется с возникновением письменных традиций, а также присуща всем естественным языкам (см. подробнее [3]). Универсальность языковой игры может быть обоснована тем, что сами механизмы человеческого мышления (а в частности, высокая ассоциативность мышления) обуславливают появление в языке игровых моментов и явлений. Универсальность языковой игры определяется наличием в языках таких явлений как 1) полисемия и омонимия, 2) идиоматичность, 3) ограниченное количество оппозиций в фонологических и графических системах языков.

2. Игра слов выполняет в тексте комическую и эстетическую функции. Референциальная функция игры слов заключается в том, что с её помощью автор отсылает читателя к различным ас-

спектам реальной или вымышленной действительности, когда читатель должен «подвести» текстовую ситуацию под некую более общую категорию. Также существует характеризующая функция игры слов. Как ключевой элемент в речи героев художественного текста, она служит средством собственной речевой характеристики героев (и, возможно, самого автора). Межъязыковая игра слов является особым подвидом игры слов, и, соответственно выполняет те же функции в системе художественного текста, что и сама языковая игра.

3. При переводе художественного текста требуется сохранить идиостиль автора, переработать культурологический фон, а также передать имеющуюся в тексте оригинала безэквивалентную лексику и авторские неологизмы, в том числе межъязыковую игру слов, которая часто становится препятствием в переводческой деятельности и требует к себе особого подхода.

4. Материалом исследования послужили романы Стефана Кларка «A Year in the Merde» [4] и «Merde Actually» [5] и их переводы на русский язык [1; 2]. Перевод межъязыковой игры рассматривался с точки зрения соблюдения главного герменевтического критерия адекватности — сохранения функции, выполняемой оригинальным приёмом.

5. Выводы. С точки зрения герменевтического подхода далеко не все переводческие решения можно назвать удачными. Переводчики часто просто прибегают к сноскам и примечаниям, даже не пытаясь сохранить ту функцию, которую выполняет ориги-

нальный приём, и создать тот же или хотя бы похожий эффект, который он создаёт в тексте оригинала.

Литература

1. Кларк С. Боже, спаси Францию! Наблюдая за парижанами: пер. с англ. А. С. Желтова. С. Кларк. М.: РИПОЛ классик, 2010. 432 с.
2. Кларк С. О, боже, снова Париж! Наблюдая за французами: пер. с англ. И. А. Литвиновой. М.: РИПОЛ классик, 2011. 496 с.
3. Колосова П. А. Перевод игры слов в художественном тексте: герменевтический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 175 с.
4. Clarke S. A Year in the Merde. London: Black Swan, 2005. 384 p.
5. Clarke S. Merde Actually. London: Black Swan, 2006. 448 p.

Юридическая и филологическая герменевтика: «конфликт интерпретаций»?

А. В. Бородина

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разуме-
ния: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали.

Лк. 11: 52

Несмотря на то, что Тверская школа филологической герменевтики изначально разрабатывалась с прицелом на языковой материал художественных текстов, в 1982 г. Г. И. Богин затрагивает в своих работах вопросы юридической герменевтики наряду с другими герменевтическими дисциплинами, способствующими разработке методик и техник понимания (семиотической герменевтики, герменевтики родов искусств, историографической и философской герменевтики). Тем самым он в чём-то опережает других учёных – как российских, так и зарубежных, поскольку интерес к юридической герменевтике возобновляется лишь с конца 1990-х гг. (Шапп, Суслов, Атарщикова, Овчинников), а в 2000-х гг. формируется Санкт-Петербургская школа юридической герменевтики.

Однако если филологические герменевты не раз касались проблематики юридической герменевтики, то юридические герме-

невы во многом остаются приверженцами так называемой философской герменевтики и, в первую очередь, идей Х.-Г. Гадамера. Наиболее востребованной оказалась триада процесса интерпретации – понимание (*subtilitas intelligendi*), истолкование (*subtilitas explicandi*) и применение (*subtilitas applicandi*). Эта триада органично вписалась в существующую юридическую логику: норму права следует сначала уяснить (для себя), затем разъяснить (для других) и впоследствии применить (к конкретной ситуации).

Кроме того, опора юридических герменевтов на труды по философской герменевтике обусловлена исторически возникшими пробелами в научной разработке юридической герменевтики. Последняя возникает в средние века и практически сразу подвергается критике, неся в себе некий парадокс, сохранившийся и по сей день: герменевтическая интерпретация как таковая предполагает известную свободу рефлексии и понимания, но в отношении истолкования юридических текстов свобода эта может жёстко регулироваться и контролироваться установившимися ещё во времена римского права конвенциями, правилами и нормами – догмами (в связи с чем юридическую герменевтику долгое время было принято относить к системе правовой догматики). Право официального – признаваемого единственно правильным и верным (аутентичным) – толкования юридических текстов принадлежит законодателям и правоприменителям – тем самым «законникам», присвоившим себе «ключи разумения». Иные понимания и толкования (со стороны тех же граждан, простых людей)

возможны, но недопустимы в рамках правовой системы и юридического дискурса в целях поддержания единства государственной власти. Тем самым возникает закономерный вопрос – а нужна ли вообще юридическая герменевтика, если она сводится не столько к пониманию смыслов юридического текста, сколько к эквилибристике определённым набором правил со стороны «власть имущих», не спасая «простых людей» от их произвола? В XIX в. представители немецкой школы права, последователи В. фон Гумбольдта, посчитали её «весьма поверхностной, бесплодной, не проникающей в суть вещей, сухой дисциплиной», в то же время признав герменевтичность юриспруденции как таковой (Пухта).

Оказавшись в положении «птицы с подрезанными крыльями», юридической герменевтике так и не удалось осуществить «полёт мысли» вплоть до попытки её реабилитации Х.-Г. Гадамером как самостоятельного направления, плодотворного для развития герменевтической мысли в целом. Более того, именно Гадамер в «Истине и методе...» высказал идею о потенциале юридической герменевтики примирить теологов, юристов и филологов: «юридическая герменевтика... способна возратить исторической герменевтике всю широту её проблематики и восстановить былое единство герменевтической проблемы – единство в котором юрист и теолог встречаются с филологом».

Тем не менее, между филологической и юридической герменевтикой существуют отличия, имеющие принципиальный, почти что

взаимоисключающий характер: так, процесс понимания художественных текстов в филологической герменевтике выстраивается «от простого к сложному» (от семантизирующего к распремечивающему пониманию), тогда как в юридической герменевтике этот вектор, наоборот, направлен «от сложного к простому»: понимание юридических документов должно стремиться к максимальной точности, ясности и простоте («информационной избыточности»), чтобы их полно и адекватно поняли юридически менее квалифицированные интерпретаторы этих текстов – граждане, судебные исполнители и юридические переводчики. Далее, в рамках филологической герменевтики единообразие, одинаковость понимания смыслов художественного текста рассматривается большинством исследователей как культурная энтропия, «смерть» текста и культуры, в юридической же герменевтике это представляет собой своего рода «гарант» справедливости, единства и верховенства закона и защиты граждан от произвола публичной власти (равенство всех перед законом и судом).

Таким образом, векторы развития филологической и юридической герменевтики во многом разнонаправлены, но в то же время их конфликт скорее иллюзорен. Методики и техники филологической герменевтики способны обогатить юридическую герменевтику, последняя же предоставляет новый языковой материал и раскрывает перспективы использования филологической герменевтики применительно к процессам взаимодействия интерпретаторов с текстами, развивая тем самым не только филологическую

герменевтику *per se*, но и сопряжённые с ней исследования курса (Карасик).

Художественность в повседневной речи и ее олитературивание

А. Б. Бушев

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

Одним из направлений поисков Г. И. Богина была разговорная речь с ее неявной когерентностью тем и учение о ней — коллоквиалистика, к которой вполне применимы все герменевтические техники понимания, наряду с их применимостью для интерпретации литературного и иного текста культуры. Это поле — устной речи — вполне доступно интерпретации и трактовке.

Популярный журналист рассказывает о корюшке: *«У нас есть возможность ее покушать»*. Директор государственной библиотеки говорит о своих сотрудниках: *«Я им хорошо плачу»*. Эти фразы, наряду с референциальной прозрачностью, позволяют судить о некоторых свойствах говорящих. Это достраивание и есть работа герменевтических техник понимания.

Интересовала Г. И. Богина и художественность (как оптимум пробуждения рефлексии, как максимальная концентрация смыслов) в коллоквиальной и публицистической речи и ее «олитературивание» в прозе. Последнее обсуждалось нами на материале рассказов В. М. Шукшина. В самом деле, аутентичны ли шукшинские диалоги или разговорная речь в них «олитературена» (виноградовский термин)?!

Г. И. Богин интересовался устным народным творчеством, творчеством субкультур. Вспоминается в связи с поисками современных форм фольклора и концепция тверского профессора А. В. Гончаровой, собиравшей устные рассказы о Великой Отечественной войне, верившей в то, что будут собраны народные рассказы о терроризме, об Афганистане, о Чеченских войнах... Сегодня уходят в прошлое все старые устные жанры — от обрядовой лирики до сказки, зато на первый план выдвигаются другие жанры. Городской фольклор существует как одна из неофициальных областей советской и постсоветской культуры.

Это по сути дела коллоквиальная история. Рассказоведы ставят проблему судеб фольклора, определения границ устного рассказа, обсуждают спорную проблему современного народного творчества. Хроникальны и мемуарные рассказы — хроникальный рассказ содержит черты достоверности, законченный жизненный эпизод, рассказ ситуативен, содержит сюжет, вызывает желание информанта выступить в роли рассказчика, вызвать сопереживание слушателя. Фабульный рассказ — вид несказочной прозы. Для него характерен целый ряд характеристик: коллективность создания, стихийность бытования, устность — целый ряд фольклорных признаков. Мемуарный рассказ содержит художественное начало в эмбриональном состоянии и находится на смыкании искусства и жизни, на грани простого языкового общения и художественного творчества обращают нас к истокам, к самой колыбели искусства. Значимы коллективный характер и

художественность формы несказочной фольклорной прозы. Коллективность — этот признак проф. А. В. Гончарова определяет диалектически: это новое качество коллективности, усиленное индивидуальным, личностным началом. Движение от живого отклика (от простой реплики) к целостному повествованию с кристаллизацией художественного образа. Коллоквиальные рассказы обсуждают видные советские фольклористы Померанцева, Гусев, Чистов. Сказ привлекает нарратологов, исследователей стиля мнологов.

Возьмем байки как формы несказочной прозы. Например, в воспоминаниях об Алексии Симанском митрополита Пимена есть строчки о дочери Чичагова по фамилии Резон. Работала фельдшером. Энергичная, всезнающая. Просила у Алексия Первого пострига в монахини. Остроумный патриарх наложил резолюцию: «Постригать Резон — не резон». Такие шутки — тоже часть религиозного дискурса, воспоминания — редкий его жанр (представленный также, например, блестящей книгой М. Ардова).

Известны байки кинематографистов (Герман), артистов (Весник), студенческий фольклор, академический фольклор, учебный фольклор, фольклор чиновников, журналистский фольклор, армейский фольклор. Проводится изучение городских легенд (Синдаловский, Баранов).

При прочтении такого текста работает и техника жанроопределения (газетные мемуары, ироничные байки); и техника определения внутритекстового рассказчика, техника понимания обра-

за автора. Работают и другие техники, задействующие рефлексю над текстовыми средствами лексикой, риторико-стилистическими особенностями.

**Трактовки понимания:
к оптимизации учебных дисциплин магистрата**

Л. Г. Васильев

(Калужский государственный университет, г. Калуга)

В докладе разбираются подходы к пониманию и их место в вузовских учебных курсах.

В *философской* герменевтической традиции понимание рассматривается в единстве со знанием, а акцент делается на процесс рефлексии (понимания понимания). Понимание текста предстает в герменевтике как интерпретация, в основе которой — воображение и интуиция субъекта, призванные раскрыть и результат деятельности автора, и его ее процесс. Для художественного текста понимание-интерпретация противопоставляется пониманию-объяснению и определяется возможностями не языковой системы, а собственно человека.

В не-герменевтической парадигме изучаются проблемы оценки места понимания в познавательной деятельности, отнесения понимания к разным отраслям знаний, различий между объяснением и пониманием; понимание трактуется как производное концептуального мира субъекта, его системы ценностей, взаимоотношений между субъектами, особенностей объекта или способа его описания. Конструктивистские концепции сосредоточены на ме-

годах описания механизмов понимания: от слова к тексту или от уровня к уровню.

Проблема понимания в *психологии* в основном предстает как решенная, хотя описание собственно механизмов понимания немногочислено. В зарубежной психологии выделяется семь подходов к пониманию: методологический, когнитивный, логический, семантический, лингвистический, коммуникативный и психологический (В. В. Знаков). Отечественные психологические концепции понимания классифицируются на основе параметров аналитичности и интегративности. Для аналитического подхода характерна онтологизация понимания. Подход к пониманию как нормативной деятельности используется в обучении пониманию. Верификационный подход касается соотношения субъективного ощущения понимания и его объективной картины. В семиосоциологическом подходе дается интегративное описание процессов понимания. В проблемном подходе понимание рассматривается как мыслительная (уровневая) деятельность и как ее результат.

Теории *искусственного интеллекта* основаны на когнитивной парадигме, согласно которой мышление оперирует своеобразными ментальными репрезентациями. Понимание подчинено моделированию процессов принятия решений и связано с проблемой хранения и вербализации знаний. В процедурно-структурной парадигме понимание трактуется на основе: генеративных принципов; систем тезаурусных типов; семантических сетей; концептуальных зависимостей; падежно-ролевых шаблонов; принципов

эвристик; логических умозаключений по тексту; реконструкции внутреннего мира автора текста. Во фреймовом подходе понимание предстает как эвристически обусловленные алгоритмы описания: физических действий; языковых комплексов; ситуации повествования; процедур логического вывода. Прагматическая обусловленность применения фреймов подчеркивается в модели сценариев, планов и целей и в интегральной интенциональной концепции обыденного общения.

Трактовка понимания в *психолингвистике* основана на выработанных в психологии идеях: о комплексном процессе взаимодействия восприятия, памяти и мышления с опорой на предшествующий опыт реципиента, его память и контекст; об идентификации и построении мыслительного содержания текста на основе перевода с естественного языка на язык интеллекта. В зависимости от степени новизны информации в тексте понимание осуществляется по стратегическому или тактическому пути. В лексико-ориентированных подходах отстаивается синтагматический тип понимания, где глобальная когерентность создается на основе локальной. В иных подходах понимание основано: на трактовке текста как превращенной формы; на соотношении семантики текста с формируемой реципиентом информационной моделью; на идее об аддитивном характере переработки уровневой информации в тексте.

В докладе излагается авторское видение содержательной адаптации магистерских дисциплин по направлениям «Лингви-

стика» и «Педагогическое образование». Такая адаптация может быть осуществлена для тематических блоков с включением в них информации по парадигмам понимания, а также в части формулировки уровней сформированности компетенций для действующих ФГОСов 3+ и 3++.

Generating metaphors and the genre of the image

Geoffrey Ventalon (Université Paris 8, г. Париж)

Keywords: metaphor, syntactics, pragmatics, advertisement, political cartoons

The effect of genre in metaphor appreciation is explored. We consider here the valence [1] of a metaphor to explain how the aim of each genre is achieved. Indeed, metaphors are diversely used in advertisements to sell a product [3] and in political cartoons to criticize politics [2]. In the first part of our study, 12 native French speakers were asked to write texts using metaphors in order to create advertisements about cars and political cartoons for a fictitious presidential election. They had to choose three animals and associate them with a metaphor (e.g., “the car is a gazelle”). Furthermore, three types of pictorial metaphors were proposed [4], with participants being asked to choose the most relevant one for each genre. Results show that the syntactics of language are similar for every genre (e.g., conceptual metaphor, comparisons), while the pragmatics of language differ (e.g., positive valence for advertisements). Contextual metaphors and similes are respectively preferred for advertisements and political cartoons. In the second part, we asked 50 different French native speakers to study the metaphorical texts and state whether they intended to buy the advertised cars or vote for the politicians. We considered a fictive

third stimulus for each genre to avoid a duality of responses (answering “yes” for one item would not mean that participants should answer “no” for the other). Results show that the participants intended to buy the cars, but not vote for the politicians.

References

1. Dunn, J. R., & Schweitzer, M. E. Feeling and believing: the influence of emotion on trust. *Journal of personality and social psychology*. 2005. № 88(5). Pp. 736—748.
2. El Refaie, E. Metaphor in political cartoons: Exploring audience responses. // C. J. Forceville et E. Urios-Aparisi (Eds.), *Multimodal Metaphor*. BerlinNew York: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 173—196.
3. Forceville, C. *Pictorial Metaphor in Advertising*. (2nd ed.). London and New York: Routledge, 1998. 233 p.
4. Forceville, C. Multimodal Metaphor in Ten Dutch TV Commercials. // *The Public Journal of Semiotics*. 2007. № 1(1). Pp. 15—34.

Эволюция переводческой рефлексии в переводах романа Р. Киплинга «Ким» (на материале звуковых продлений)

А. Д. Гимаева

(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск,)

Предметом рассмотрения в настоящем докладе является эволюция передачи звуковых продлений в переводах на русский язык романа Р. Киплинга «Ким» в дореволюционный (1915), советский (1936) и постсоветский период (1999). Этот роман был переведен 5 раз: А. П. Репиной в 1915 г., М. И. Клягиной-Кондратьевой в 1936, А. З. Колотовым, А. В. Глебовской в 1991 г., А. З. Колотовым в 1999 г.у, М. И. Кан в 2007 г. Передача звуковых продлений оригинального текста в переводах нами рассматривается как результат рефлексии переводчиков над указанным языковым средством.

Сопоставление трёх доступных нам переводов (А. П. Репиной — 1915; М. И. Клягиной-Кондратьевой — 1936; А. З. Колотовым — 1999) позволяет обнаружить существенную разницу между ними. В переводе 1916 г., выполненном П. Репиной, из 90 авторских продлений звуков передано всего 3 продления, напр.: *“Ye-es; but first, he has nothing to tell; and secondly, he knows what would happen. Also, he is very fond of Mahbub, and of me a little.”* — *Да-а, но, во-первых, ему нечего рассказать, а во-вторых,*

он знает, что произошло бы в таком случае. И он очень любит Махбуба и немножко меня.

Заметим попутно, что в процессе перевода А. П. Репина добавила и свои звуковые продления, отсутствующие в оригинале.

В переводе 1933 г. (выполненном М. И. Клягиной-Кондратьевой) 32 продления — вместо оригинальных 92 — это самое большое количество представленных в переводе продлений. Переводчица добавила ещё 8, в том числе перевела частицу Noah!, формально не относящееся нами к продлениям, как He-et!, и междометие Hst! как Ш-Ш!. Два случая скандирования она тоже перевела как продление.

Важно отметить, что в переводах этого перевода звуковые продления выполняют образно-характерологическую функцию: с их помощью переводчица передаёт особенности английского языка английский клерков, так называемого Babu-English. Эта же образно-характерологическая функция звуковых продлений наблюдается и в оригинальном тексте.

В 1999 г. вышел в свет перевод романа «Ким», подготовленный А. З. Колотовым. В его переводе наблюдается 9 соответствий звуковых продлений оригинального и переводного текста: “At first Kim had been minded to give the alarm—the long-drawn *cho-or-choor!* (thief! thief!) that sets the serai ablaze of nights; but he looked more carefully, and, hand on amulet, drew his own conclusions.” — *Сперва Ким хотел поднять тревогу. Протяжный крик «Кху-ур! Кху-ур!» взорвал бы спокойствие ночного серая,*

но, понаблюдав еще и прикоснувшись к своей ладанке, он решил поступить иначе.

В то же самое время переводчик внес много своих звуковых проделаний в тех контекстах, где в оригинале они отсутствуют. Все звуковые проделания, привнесенные переводчиком, так или иначе мотивированы контекстом. Например: «What is this?» — *Эт-то что?* В данном контексте проделение согласного «т» призвано передать удивление и замешательство главного героя, столкнувшегося с неизвестным ему механическим устройством.

Подводя итоги нашему пилотажному исследованию, заметим, что — в плане соответствий оригинальных и переводных проделаний звуков — наиболее корректным представляется перевод М. И. Клягиной-Кондратьевой, максимально бережно и с предельным вниманием отнёсшейся к данному языковому средству.

Концепто-ориентированный подход к формированию билингвального лексикона как синтез современных представлений о соотношении концепта и значения

О. А. Голигузова (Институт языкознания РАН, г. Москва)

Концепты как нелингвистические психологические репрезентации категорий внешнего мира плодотворно изучались, начиная с Аристотеля, который считал, что классы сущностей внешнего мира репрезентированы в сознании человека в виде набора признаков, являющимися обязательными для соотнесения новой сущности с той или иной категорией. Это представление легло в основу дефиниционной теории концептов, наряду с которой позднее были разработаны теории, основанные на поверхностном сходстве (*similarity-based accounts*), теория теорий (*the theory theory*) и информационный атомизм (*informational atomism*) [4: 25—100].

Лингвистическая теория значения также проделала долгий путь, начиная с разработки идеи Фреге о необходимости разграничивать смысл и значение, и заканчивая современными подходами, которые трактуют значение как «не свойство языка как таковое, а скорее как функцию использования языка» [2: 496], и говорят о том, что «значения, ассоциируемые со словами, образуют подкласс возможных концептов» [3: 8].

Несмотря на значительные изменения в научных взглядах на концепт и значение, в вопросах обучения билингвов лексике второго языка (Я2), акцент по-прежнему делается на значении как «общеизвестной и коммуникативно релевантной части концепта» [1:36], что не способствует снятию таких психологических барьеров к развитию билингвального лексикона как резистентность к усвоению синонимов или трудности в образовании связи между новой единицей Я2 и концептуальной базой индивида из-за ярко выраженной непохожести звуковой и графической формы знака в Я2 по сравнению с соответствующим знаком в родном языке. Разработка методик, ориентированных на концепт как «продукта когнитивного сознания человека», [1: 306] может помочь преодолеть ситуацию, когда 28% наиболее часто употребляемых взрослыми существительных и 33% наиболее часто употребляемых ими глаголов являются конкретными [5: 235], что означает, что наибольшая часть активного словаря взрослых включает в себя абстрактную лексику, но именно абстрактные лексемы образуют слабые связи с общей концептуальной базой человека.

Концепто-ориентированные стратегии могут быть основаны на таких формах хранения информации об окружающем мире как представления об единичных примерах данной категории (exemplars) или прототипические образцы категории (prototypes), а также на концептуализации себя, в соответствии с которой во многом строится концептуальная картина мира, хранящаяся в памяти человека.

Литература

1. Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы. М.—Берлин: Директ-Медиа, 2015. 1077 с.
2. Evans V. Lexical Concepts, cognitive models and meaning-construction // *Cognitive Linguistics*. 2006. № 17—4. Pp. 491—534.
3. Evans V., Bergen B., Zinken J. The Cognitive Linguistics Enterprise: An Overview // *The Cognitive Linguistics Reader* / Ed. by V. Evans, B. Bergen, J. Zinken. Equinox Publishing Ltd., 2007. Pp. 2—37.
4. Prinz J. *Furnishing the Mind Concepts and the Perceptual Basis*. Cambridge, Massachusetts, London, England: A Bradford Book The MIT Press, 2002. 368 p.
5. Schwanenflugel P. Why are Abstract Concepts Hard to Understand? // *The Psychology of Word Meanings* Ed. by P. Schwanenflugel Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1991. Pp. 223—248.

Разница между официально-деловым стилем в арабском и русском языках как переводческая проблема

А. С. Голикова

(Тверской государственной университет, г. Тверь)

В данном докладе рассматриваются особенности функционального официально-делового стиля в арабском языке и их отличия от особенностей соответствующего функционального стиля в русском языке. Установлено, что официально-деловой стиль в арабском языке является более «цветистым» (т. е. насыщенным эпитетами и метафорами), чем в русском. Это рассматривается как частный случай близкородственных отношений между правом, литературой/поэзией и фольклором, отмеченных, например, для немецкого языка ещё Якобом Гриммом; таким образом, есть основания предполагать, что подобные близкие лингвистические отношения между литературой и правом являются если не константой, то интернациональным и межкультурным явлением, хотя развитие функциональных стилей в различных языках и культурах определённо проходит в разных темпах и по разным законам. Следовательно, для постороннего взгляда может показаться, что арабский официально-деловой стиль «отстаёт» от своих аналогов в других языках (например, русском или английском), так как он менее далеко ушёл от общих корней литературы, фольклора и языка.

Стоит, впрочем, также отметить, что иногда подобная «цветистость» (например, употребление в документе длинных титулов или призывание в свидетели Бога в тексте доверенностей и подобных документов) объясняется социальными причинами. Все вышеперечисленные особенности являются переводческими проблемами: переводчику приходится принимать решение, когда приводить текст в соответствие с нормами функционального стиля в своём языке, а когда оставлять иноязычные особенности в переводе (особенно если они обусловлены социально, как описано выше). Материалом для данного доклада послужили как работы предыдущих исследователей, так и документы, переводы которых были выполнены самим автором доклада (доверенности, решения суда, дипломы и т. п.).

**Морфолого-синтаксический эрратив
как художественный приём создания речевого портрета
(на материале романа Д. Киза «Цветы для Элджернона»)**

Д. С. Гордашникова

(Тверской государственной университет), г. Тверь,)

В докладе рассматривается использование приема морфолого-синтаксического эрратива для создания речевого портрета персонажа с проблемами в интеллектуальном развитии. Приводятся анализ и классификация эрративов, сравниваются варианты их перевода на русский язык.

Ключевые слова: эрратив, речевой портрет, норма языка, лексика, перевод.

1. Речь — один из самых показательных признаков, характеризующих персонажа, из чего очевидно стремление романистов прибегнуть к ее изображению как к способу передачи скрытых мотивов поведения героя. Очевидно, что в данном случае язык скорее используется для создания особого мира и имитации реального, а не для сообщения, что в нем происходит, и, таким образом, при воспроизведении речи автор художественного произведения часто находится вне какого-либо реального речевого события, по которому можно восстановить точные записи. Однако вымышленная речь стремится к особому реализму в представлении языка, и роман Д. Киза не стал исключением.

2. Речевая характеристика персонажей или речевой портрет персонажей — особый подбор слов, выражений, оборотов речи и т. д. как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения. В современной лингвистике не сложилось четкой процедуры его исследования, поэтому большинство исследователей поддерживают идею о возможности выборочного описания слоев языка, демонстрирующих наиболее яркие особенности портрета описываемой личности и/или социальной группы (Н. М. Гордеева, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Т. М. Николаева).

3. Синтаксис — это уровень лексикограмматической формы, который включает в себя как лексический выбор — выбор слов и выражений из нескольких слов из словарного запаса языка — так и грамматический выбор, связанный с их объединением в предложении. И очевидно, что при выстраивании речевого портрета персонажа автор будет поддерживать изменения в указанных уровнях языка соответствующими морфологическими модификациями.

4. Эрративы, используемые автором на уровнях морфологии и синтаксиса, можно разделить на следующие группы:

— переход одной части речи в другую и/или одинаковая графическая фиксация слов, принадлежащих разным частям речи;

— замещение наречий прилагательными;

— отсутствие разделения смысловых (*notional verbs*), служебных (*semi-auxiliary verbs*) и вспомогательных глаголов (*auxiliary*

verbs), что сказывается на образовании составных форм настоящего, прошедшего и будущего совершенных времен (Present Perfect / Past Perfect / Future Perfect);

— неверное образование прошедших форм глаголов, особенно тех, что заканчиваются на -y: worried (worried), tried (tried);

— отсутствие согласования числа подлежащего и сказуемого как в настоящем, так и в прошедшем времени;

— ошибочное использование апострофа, используемых при составлении сокращенных форм личного местоимения и согласованного с ним глагола to be;

— ошибки в репрезентации косвенной речи с сопутствующим согласованием временных форм в зависимых придаточных;

— соединение супплетивного и синтетического способов образования сравнительной и превосходной степени прилагательных;

— использование двойного отрицания.

5. Вышеперечисленные эрративы морфолого-синтаксического уровня, поддерживаемые лексическими и фонографическими уровнями и представляющие собой согласованную систему, использованы не только для отображения проблем Чарли с языком, но и для передачи изменений его состояния и эмоционального воздействия на читателя, так как такие эрративы эмоционально окрашены.

Герменевтика диалога в свете спора Аристотеля с софистами

Илья Дворкин (Hebrew University of Jerusalem, г. Иерусалим)

В своих основаниях философия диалога, которая сформировалась в трудах мыслителей начала XX в. в Германии и России, противостоит монологической логике высказывающей речи Аристотеля. В своих работах Бахтин, Бубер, Розенцвейг, Коген и др. не только оспаривают применимость классической логики к межличностным отношениям, но и отвергают стоящую за этой логикой онтологию. Однако, отношение герменевтики диалога и герменевтики Аристотеля не было обстоятельно исследовано классиками диалогического метода. Еще менее рассматривалась ими в качестве источника логика софистов. Между тем, герменевтика и логика Аристотеля выросла именно в противостоянии с учением софистов, особенно Протагора и Горгия. Учитывая, что Диаген Лаэртский называет Протагора изобретателем сократической дискуссии, понятно, что учение софистов должно явиться важным основанием философии диалога. Настоящий доклад посвящен исследованию герменевтики Аристотеля в ее противостоянии с идеями и методами предшественников Аристотеля — софистов V в. до н. э. Мы также пытаемся проследить как идеи софистов могут быть инкорпорированы в современную философию диалога.

Литература

1. Backman J. Hermeneutics and the Ancient Philosophical Legacy: Hermēneia and Phronēsis. // The Blackwell Companion to Hermeneutics, ed. Niall Keane and Chris Lawn. Malden, MA: John Wiley & Sons, 2016. Pp. 22—33.
2. Sheehan T. Sense, Meaning, and Hermeneutics from Aristotle to Heidegger // Niall Keane and Chris Lawn, eds., The Blackwell Companion to Hermeneutics, Hoboken, N.J.: Wiley-Blackwell, 2016. P. 1—12.
3. Клецкин М. В. Герменевтика Аристотеля как онто-логика // *Философская мысль*. 2018. № 9. С. 45—56.
4. Кузнецов В. Герменевтика и ее путь от конкретной методикки до философского направления. // *Логос*. 1999. № 10 (20). С. 43—98.
5. Микеладзе Э. Н. Об аристотелевском понятии топа (ТОПОС) // *Модальные и интенциональные логики*. М., 1978.
6. Соболева М. *Философская герменевтика: понятия и позиции*. М.: Академический проект, 2014. 160 с.

**Использование текстов переходного типа
между когнитивным и распредмечивающим пониманием
в прикладных целях**

В. С. Загуменкина (Тверской филиал РАНХиГС, г. Тверь)

Обучение иностранному языку в высших учебных заведениях сегодня направлено на формирование компетенции УК ОС — 4 (способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на иностранном(ых) языке(ах)) и ПК-9 (способность осуществлять межличностные, групповые и организационные коммуникации на ИЯ). Выпускник вуза должен свободно владеть иностранным языком, уметь пользоваться им не только в сфере повседневного общения, но и в профессиональной сфере. Иными словами, у выпускников вузов должна быть развита коммуникативная компетенция. Обучаемые должны владеть не только языковыми знаниями, но и междисциплинарными (знание культуры и традиций стран изучаемого языка и др.).

Понимающее чтение играет в достижении поставленных целей первостепенную роль. Одним из компонентов структуры профессионально направленного владения как родным, так и иностранным языком является обучение студентов работе с различными типами текстов. Особое место в этом процессе занимают публицистические тексты аналитического жанра, в первую очередь, тексты статей. В соответствии с классификацией типов понима-

ния Г. И. Богина, статья относится к текстам переходного типа между когнитивным и распредмечивающим пониманием. Таким текстам присущи черты и научного, и художественного стиля, что подтверждает проведенный нами анализ отрывка из статьи, размещенной на сайте государственного информационного агентства России ТАСС.

При использовании рассматриваемого типа текстов при обучении ИЯ следует учитывать, что тексты статей являются аутентичными, поэтому сложны по построению на всех языковых уровнях. Кроме того, статьи содержат национально-специфические понятия (реалии), которые при отсутствии предварительного «распредмечивания» становятся причиной непонимания всего текста. Поэтому при работе с текстами данного типа целесообразно использовать предложенную нами универсальную пошаговую модель понимающего чтения. Она поможет структурировать работу текстами, сделать ее более осознанной и интересной, что будет способствовать более глубокому пониманию текста. Наша модель состоит из трех фаз. Каждой фазе соответствует определенный набор действий. В зависимости от типа текста те или иные действия могут опускаться.

**О «слоях» ментальности
в свете герменевтических разработок Г. И. Богина
в синхронии и диахронии**

А. В. Загуменнов

(Вологодский строительный колледж, г. Вологда)

I. Согласно определению В. В. Колесова, «ментальность есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [2: 11]. Её типы варьируются исторически: номинализм → реализм → концептуализм → русский неореализм [2: 4]. При этом смена этих этапов В. В. Колесовым фиксируется «герменевтически», но через герменевтику не вскрывается специфика динамики преобразований. Будь то переход от реализма к концептуализму в XVIIв. (В. В. Колесов), распад «диглоссии» (Б. А. Успенский) в указанном столетии, или появление нового культурного сценария в связи с соотношением «регистр — коммуникативная ситуация» (В. М. Живов), решение проблемы изменений в мировосприятии кроется в изощрённости методологии исследования среза, синхронного нашему присутствию.

II. В начале учебного года нами была дана контрольная работа для студентов первого курса строительного колледжа на остаточные знания. Последним заданием являлось объяснение значе-

ния фразеологизмов. В первом варианте этот корпус представили: а) На широкую ногу, б) Задать перцу, с) Чесать языками, d) Хоть глаз выколи, е) Бить баклуши, f) Намылить шею, g) Краше в гроб кладут, h) Живые мощи, i) Распростерты объятия. Во втором — а) Как снег на голову, б) Как сквозь землю провалился, с) Мелет с утра до вечера, d) Бесструнная балалайка, е) Воды не замутит, f) Засучить рукава, g) Мухи не обидит, h) Семь пятниц на неделе, i) Седьмая вода на киселе, j) Корова языком слизнула. Входной контроль прошли пять групп первого курса (от 14 до 18 лет), общим числом 106 человек.

Результаты заставили серьёзно задуматься. В рамках тезисов приведем версии толкования оборота «*Живые мощи*» — «*люди с устаревшими, отжившими понятиями*» [3: 302]. Варианты интерпретации со стороны студентов от количественно доминирующего к наименьшему результату даны ниже. «*Старый человек*» (3), «*худой человек*» (2), «*кожа да кости*» (2), «*исхудававший*» (2), «*изможденный человек*» (2), «*похудевший, исхудававший*», «*исхудававший, измороженный человек*», «*очень худой, скелет, дрыщ*», «*старый*», «*худой человек, дрыщ*», «*высохшие остатки людей*», «*силы, способные совершать чудеса*», «*предельно исхудававший, изможденный*», «*худой, тощий*», «*человеческая сила*», «*исхудававший человек*», «*о предельно исхудававшем, изможденном человеке*».

Перечень интерпретаций вскрывает типы понимания: «*кожа да кости*» (2), «*высохшие остатки людей*», «*человеческая*

сила» — семантизирующее; «*Старый человек*» (3), «*худой человек*» (2), «*исхудавший*» (2), «*изможденный человек*» (2), «*похудевший, исхудавший*», «*исхудавший, изморенный человек*», «*очень худой, скелет, дрыщ*», «*старый*», «*худой человек, дрыщ*», «*худой, тощий*», «*исхудавший человек*», «*о предельно исхудавшем, изможденном человеке*»; — когнитивное; «*силы, способные совершать чудеса*» — распремечивающее [1].

III. Дифференциация однородной словесной массы на доминанту усмотрения смысловых связей в синхронном нашему присутствию срезе позволяет в качестве рабочей гипотезы диахронического исследования рассматривать исторические изменения в стилистике и семантике как проблемы филологической герменевтики.

Литература

1. Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 2. Тверь: Твер. гос. Ун-т, 2009. 152 с.
2. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
3. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт рус. фразеологии. Сб. образных слов и иносказаний. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1902.

Некоторые аспекты изучения рефлексивного сознания в психолингвистике

Н. О. Золотова

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

Д. Б. Элькониным рассматриваются психологические корни изучения рефлексии со ссылкой на труды Л. С. Выготского, который, не употребляя термин «рефлексия», сформулировал проблеме перехода от непосредственных форм поведения (форм реагирования) к опосредованным формам организации поведения и управления им.

Для анализа рефлексивного сознания в психолингвистике привлекается понятие метаязыковой деятельности и метаязыка, который понимается как естественный метаязык, принадлежащий самому индивиду, его сознанию. Единицы метаязыкового сознания используются индивидом в процессах идентификации и организации/регуляции языковой (и не только языковой) деятельности, обеспечивая рефлексия над «своим» и «чужим» словом.

Зарождение рефлексивного сознания в онтогенезе обсуждается в работе отечественного психофизиолога И. М. Сеченова «Элементы мысли» (1903 г.). Сравнивая высказывания двух-трехлетних детей, типа «собака бежит», «цветок пахнет» и «я вижу бегущую собаку», «я ощущаю запах цветка», ученый обращает внимание на резкую разницу между ними по смыслу за счет прибав-

ки всего двух субъективных членов «я вижу» и «я чувствую»: «в одном случае передаются события, совершающиеся при нас, а в другом эти самые события описываются как акты чувствования!». Таким образом прослеживается развитие двух форм я, пассивной и активной: я чувствую, я действую.

Впоследствии из этой активной формы, называемой Сеченовым «детским *самочувствием*», рождается в зрелом возрасте *самосознание*, дающее человеку возможность относиться к актам собственного сознания критически, т. е. отделять *все свое внутреннее* от всего происходящего извне, анализировать его и сопоставлять (сравнивать) с внешним, — словом изучать акт собственного сознания.

Становление метаязыка в филогенезе рассматривается в работе Н. И. Жинкина при обсуждении проблемы коммуникации у животных и человека. Анализируя «открытость» системы как фундаментальное отличие языка человека от языка животных, Н. И. Жинкин обращает внимание на условия, при которых знаковая система становится саморегулирующейся: объектами знакового анализа делаются сами знаки той же системы, т. е. формируется метаязык. Метаязыковую способность человека предлагается рассматривать в русле эволюционно обусловленных закономерностей филогенеза как «органическое устройство его (человека — Н. Э.) мозга, возникшее как мутация».

Р. О. Якобсон также подчеркивает тот факт, что метаязык как часть языка не имеет аналогов в других знаковых системах. В

онтогенетическом аспекте развитие ребенка ставится ученым в зависимость от «его способности вырабатывать *в себе* (курсив наш — Н. З.) метаязык, то есть сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке».

В современных исследованиях детской речи, так или иначе, подтверждается мысль о том, что способность ребенка вырабатывать в себе метаязык определяет уровень его языкового развития. Наблюдения за речевым поведением детей Р. М. Фрумкиной, В. М. Швеца, И. Г. Овчинниковой, С. Н. Цейтлина, Н. И. Лепской, Т. В. Базжиной, А. М. Шахнаровича и других исследователей в диапазоне от двух-трех до семи лет свидетельствуют об активных процессах по формированию метаязыковой компетенции в этом возрасте.

Аналогичные явления зафиксированы и на базе других языков. Например, изучая формирование навыков чтения в ракурсе психофизиологического и социокультурного развития индивида, Марианна Вульф отмечает, что в определённый момент овладения языком ребёнок начинает не только интуитивно или осознанно применять, например, грамматические правила, но и «осознавать и использовать социально-культурные «роли» языка в его естественных контекстах».

В школьном возрасте, с началом обучения ребёнка чтению и письму, а затем и иностранному языку на первый план выступает преимущественно сознательное отношение к закономерностям языка и речи. Напомним, что при спонтанном освоении родного

языка в дошкольный период продукты метаязыковой и метакогнитивной деятельности ребенка носят функциональный характер. Сформированные таким образом деятельностные ориентиры не всегда оказываются эффективными в учебной ситуации и часто вступают в противоречие с прескриптивными правилами и лингвистическими терминами при изучении родного языка как учебной дисциплины. Похожая ситуация наблюдается и при изучении неродного языка.

Психолингвистический подход к анализу механизмов овладения и пользования вторым/иностраным языком предполагает поиск путей преодоления этого «противоречия» и, прежде всего, за счет развития метакогнитивных навыков обучаемых. Имеется в виду стимулирование метаязыковой деятельности, метаязыкового контроля за правильностью вербального оформления замысла высказывания, целенаправленное формирование функциональных опор, обеспечивающих овладение и пользование языком, активизация рефлексии относительно того, *как* студент чему-то научается, *как* он что-то узнает, побуждение к использованию метакогнитивных стратегий, помогающих обучаемым регулировать, планировать, оценивать научение, то есть управлять им. Важен учет индивидуального стиля обучения, при котором должна идти речь о выборе тех стратегий, которые наилучшим образом отвечают запросам студента. Самоотчеты обучаемых также представляют собой ценный опыт, на основе которого возможно внесение коррективов в работу с аудиторией.

Возможности построения факторных моделей в терминоведении

М. А. Зубкова

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

В докладе рассматриваются теоретические основы и существующая практика факторного моделирования в терминоведении. Теоретические основы данного метода раскрываются через специфику понятий «модель», «фактор» и «термин». Обзор научных работ показал существенный потенциал использования данного метода в терминоведении, а также его глубокую теоретическую и практическую значимость.

Ключевые слова: термин, терминосистема, терминоведение, факторная модель, терминологическое моделирование.

Современный этап развития научного знания характеризуется интенсивным использованием идей моделирования. Факторные модели являются одним из видов моделей, широко используемых в исследованиях различных процессов и явлений. Целью данной статьи является обзор теории и существующей практики построения факторных моделей в терминоведении.

Теоретические основы обозначенной темы раскрываются в специфике трех понятий: «модель», «фактор» и «термин». Каждое из этих понятий связано с рядом дискуссионных вопросов о своей сущности и значении.

Модель является наиболее обобщающим понятием из трёх представленных. Любая модель основана на гипотезе о возможном устройстве оригинала и выступает его функциональным аналогом в упрощенном виде. Модель — это «любая система, которая имеет мысленное представление, материально реализуется и обладает способностью замещать объект исследования в такой мере, чтобы его изучение давало новую информацию об этом объекте» [1: 14-15]. Понятия «модель» и «моделирование» стало широко использоваться в лингвистике в 50-е гг XX в., когда математические методы стали активно проникать в гуманитарные дисциплины. Однако практически сразу же появились работы, в которых говорилось об ограниченных возможностях этого метода, несмотря на его универсальность (Ю. Д. Апресян), а также об опасности сужения лингвистики, вызванной формирующейся теорией моделей (А. Ф. Лосев), которая стала рассматриваться не только как математическая или логическая, но и как лингвистическая теория [3: 19]. Моделирование в исследованиях открывает широкий потенциал возможностей, однако имеет свои ограничения и недостатки использования. В современной лингвистике этот метод является основным, но не единственным. Лингвистические модели представляют собой общие схемы описания системы языка и его элементов, которые используются для выявления и изучения структур языковых явлений, что способствует уточнению тех или иных лингвистических понятий и связей между ними при описании языка.

Слово «фактор» имеет одно общеупотребительное и несколько узкоспециальных значений. В толковом словаре Д. Н. Ушакова дано современное общеупотребительное значение этого слова — «движущая сила, причина какого-нибудь процесса, обуславливающая его или определяющая его характер» [4]. В рамках математического моделирования и факторного анализа слово «фактор» приобретает следующее значение — «латентная переменная, скрытая причина согласованной изменчивости наблюдаемых переменных» [2]. В обоих случаях слово «фактор» связано с понятием «причина» и причинно-следственными отношениями. В теории лингвистики не существует какого-либо узкоспециального значения слова «фактор»; следовательно, любые процессы или явления, которые способны оказывать, или оказывают воздействие на объект лингвистического исследования, признаются факторами. Под факторной моделью в лингвистике, в таком случае, следует понимать модель, описывающую совокупность факторных и результативных признаков лингвистического процесса или явления, связанных одной причинно-следственной связью. Важно отметить, что в лингвистике не всегда возможно выразить какие-либо показатели количественно, поэтому факторная модель может быть описательной, без использования математических методов.

Понятия «термин» и «терминосистема» в некотором смысле также представляют собой лингвистические модели. Сущность этих понятий является дискуссионным вопросом в современной

лингвистике, поэтому существует широкое разнообразие подходов к их изучению. При этом каждый новый подход предполагает описание понятия через призму определенной модели. Так, например, многообразие подходов к понятию «термин» можно классифицировать в зависимости от научной дисциплины, в рамках которой рассматривается данное явление (когнитивная лингвистика, психолингвистика, философия, социология и т. д.), или в зависимости от того, как соотносятся между собой термины и общеупотребительные слова.

Понятие «терминосистема» означает не просто совокупность терминов определенной сферы профессиональной деятельности или области знаний, но и систему взаимосвязей этих терминов, которая формирует их в единое целое, способное функционировать в определенной среде. Применительно к терминосистемам факторные модели следует строить и описывать с точки зрения трёх аспектов:

1) рассмотрение терминосистемы как элемента более крупного целого, т. е. общей системы языка; взаимодействие с другими терминосистемами и подсистемами языка;

2) рассмотрение терминосистемы как системы внутри себя, т. е. с точки зрения внутреннего строения и состава элементов;

3) рассмотрение терминосистемы со стороны одного ее элемента (термина), особенностей его плана выражения и плана содержания.

Факторы, которые будут выделены в результате построения той или иной факторной модели, могут классифицироваться по разным признакам, например, в зависимости от природы возникновения (лингвистические и экстралингвистические), от продолжительности воздействия (постоянные и перманентные), от степени оказываемой факторной нагрузки на результативный показатель и др.

Для изучения практики построения факторных моделей в терминоведении нами были отобраны и проанализированы более 170 научных работ, представленных на официальном сайте РГБ [5]. В большинстве этих работ изучаются вопросы взаимозависимости определенных явлений или параметров терминосистем. Так, например, были зафиксированы следующие виды взаимосвязей:

- влияние процессов терминологизации и детерминологизации на формирование содержательной структуры терминов и общее развитие терминосистемы; факторы терминологизации и детерминологизации;
- взаимосвязь термина и контекста, а также термина и литературного жанра; коэффициент терминологизированности текста как показатель его жанровой принадлежности; центробежные и центростремительные процессы при взаимодействии контекста художественного произведения и помещенного в него термина;
- семантические взаимоотношения между терминами одной терминосистемы; изменение семантики одного термина как фактор

изменения семантики других терминов; связь полисемии терминов с полисемией их общеупотребительных омонимов; другие факторы полисемии терминов;

— зависимость развития терминологии определенной сферы от истории развития этой сферы деятельности; влияние национальных и культурных особенностей носителей языка на терминологию, отражение этих особенностей в специфике терминологии; интернационализмы и термины с культурным компонентом;

— взаимосвязь терминов с фрагментами научной картины мира; индивидуальные особенности восприятия терминов и факторы на него влияющие.

Обзор научных работ показал, что ученые, занимающиеся проблемами терминоведения, исследуют терминосистемы с самых разных сторон, при этом в качестве фактора воздействия может рассматриваться даже сама терминосистема и ее элементы. Следует отметить также, что большинство представленных факторных моделей включают не только явные, но и скрытые (латентные) факторы. Интерпретация результатов построения и описания таких моделей позволяет проводить классификацию различных терминов и терминосистем, сравнивать их и систематизировать. Кроме того, полученные результаты могут стать основой для новых гипотез и открытий. Таким образом, факторные модели в терминоведении имеют огромный теоретический потенциал и практическое значение, что определяет актуальность подобных исследований.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Наука, 2005. 256 с.
2. Первитская А. М. Математические методы в психологии: учебное пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 70 с.
3. Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. 288 с.
4. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2008. 1239 с.
5. Российская государственная библиотека [Электронный ресурс] URL: <https://rsl.ru> (дата обращения: 05.11.2019).

Методика четырехмерного метафорического моделирования

Е. М. Исакова (Тверской государственный университет,
г. Тверь)

Рассмотрение метафоры как стратегии в дискурсе и описание её аргументативного потенциала заставляет нас взглянуть на это явление с четырех сторон и описать его в нескольких измерениях – семантическом, концептуальном, когнитивно-дискурсивном и герменевтическом. Наличие закономерностей использования метафоры как стратегии убеждения и, что немаловажно, «пробуждения» и стимулирования рефлексивных процессов реципиента текста, позволяет выделить и описать такое явление как метафорическая модель в дискурсе.

Метафорическая модель понимается нами как структура, обладающая объяснительной силой и изображаемая с этой целью в виде схем, объясняющих механизм репрезентации специального знания в семантическом, концептуальном и коммуникативно-прагматическом аспектах дискурса, направленный на стимулирование рефлексивных процессов, что в результате приводит к использованию метафоры как средства понимания содержательности текста.

Для определения аргументативного потенциала текста дискурса и описания использования приёма метафоризации и раз-

личных моделей метафоры как аргументативной стратегии мы адаптируем авторскую методiku трехмерного метафорического моделирования, разработанную Пермской метафорической школой. Согласно данной методике, метафора представляется как механизм репрезентации специального знания в трех измерениях: семиотическом (семантическом), концептуальном и коммуникативно-прагматическом. Трехмерное метафорическое моделирование концепта осуществляется в три этапа: коммуникативно-прагматический анализ, семантический анализ и концептуальный анализ. Специфика аргументативного дискурса, его направленность на адресата/слушателя/аудиторию/реципиента позволяет нам говорить о возможности расширения Пермской трехмерной модели и добавления ещё одной процедуры – риторико-рефлексивного анализа, и следовательно ещё одного измерения – герменевтического.

В докладе будет продемонстрирован пример применения методики четырёхмерного метафорического моделирования в аргументативном дискурсе.

**Повторные переводы художественной литературы
и читательская оценка: а судьи кто?
(на материале переводов А. Грызуновой и М. Немцова)**

П. А. Колосова

(Тверской государственный университет. г. Тверь)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393 «Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики».

Ключевые слова: художественный перевод, классическая литература, повторный перевод, филологическая герменевтика, авторская интенция, языковая личность.

В последнее время русскоязычный читатель занимает всё более активную позицию в оценке качества художественных переводов, что связано, с одной стороны, с развитием Интернета как пространства для открытой дискуссии, а, с другой стороны с повышением процента читателей, в той или иной мере владеющих английским языком и способных обратиться к оригиналу.

Особенно бурную дискуссию вызывают повторные переводы британской и американской литературы, которая стала для русскоязычного читателя классической в «канонических» советских переводах. Новые переводы интересны тем, что зачастую переводчики, прежде всего, исходят из первоначального представления о «неправильности» предшествующих переводов. Реакцию

читателей на подобные повторные переводы произведений художественной литературы нельзя назвать однозначной. Тем не менее, нужно отметить, что в общей массе отзывов преобладают негативные — от умеренной критики до полного неприятия. Представляется важным разобраться, с чем связано столь критичное отношение читателя к усилиям переводчиков, и насколько оно справедливо.

В качестве примеров в докладе мы обращаемся к переводу романа Сэлинджера «The Catcher In the Rye», выполненному Максимом Немцовым, и к переводу романа «The Wuthering Heights» Эмили Бронте, выполненному Анастасией Грызуновой, а так же читательской реакции на данные переводы.

Одной из очевидных причин читательской критики является убеждённость в непревзойденно высоком качестве работы переводчиков советской школы, их «каноничности». Именно в советских переводах романы Сэлинджера и Бронте стали классикой для русскоязычного читателя, и поэтому предлагаемая в них интерпретация авторского текста воспринимается как традиционная, естественная и порой даже как единственно возможная. Безусловно, подобная читательская установка не способствует объективности. Кроме того, очевидно, что читатель должен обладать достаточно развитой языковой личностью, чтобы дать более или менее адекватную оценку качеству перевода, поскольку для этого необходимо выйти в активную рефлексивную позицию и обратиться как к тексту перевода, так и тексту оригинала. В

докладе для объяснения механизмов оценки качества повторных переводов разными читателями применяется модель языковой личности, предложенная Г. И. Богиньм.

К интерпретации концептуального поля

К. В. Коновалихина

(Калужский государственный университет, г. Калуга)

Концепты проникают в нашу жизнь, мышление и речь. Они могут влиять на жизнь человека и структурировать ощущения, поведение и отношение к действительности. Реалии повседневной жизни формируют представление о мире.

Изучение концептов может проходить с использованием различных методов, например, фреймового анализа, полевого метода, семантико-когнитивного, этимологического анализа. Анализ концептуального поля позволяет рассмотреть своеобразие духовного мира и особенности национального характера в той или иной культуре.

О возможности существования объединенных по разным критериям групп языковых единиц лингвисты писали ещё в XIX в. Работы многих ученых-лингвистов, таких как Й. Трир, П. Н. Денисов, И. В. Сентенбер, Д. Н. Шмелев, затрагивают такое понятие, как семантическое поле. Этим термином в лингвистике обозначают совокупность языковых единиц, объединенных вследствие наличия какого-либо общего семантического признака, то есть обладающих некоторым общим (интегральным) компонентом значения. Изначально в качестве таких единиц рассматривались

слова, позднее лингвисты начали исследовать семантические поля, включающие и предложения, и словосочетания. Признак, который объединяет элементы одного семантического поля, в другом семантическом поле может являться дифференциальным.

Семантический признак, на базе которого строится семантическое поле, можно также рассматривать как некоторую понятийную категорию, так или иначе затрагивающую окружающую человека действительность и его опыт (как концепт, центральное слово поля).

Изначально положения о полевой организации возникают в языкознании применительно к анализу семантики языка, прежде всего лексической семантики. Однако уже в двадцатые годы XX в. Й. Л. Вайсгербер связывает идею «языкового поля» с особым миропониманием, характерным для каждого языка, и вписывает ее в контекст предлагаемого им же понятия «языковая картина мира». Понятие «языковое поле», отнесенное Вайсгербером к «духовному промежуточному миру», не только подчиняет содержание отдельных языковых единиц, но и является реализацией того миропонимания, которое характеризует данный язык. Отсюда можно видеть, что «поле» принадлежит прежде всего концептуальной сфере языка.

Выражение концепта — это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание. «Страх» («Angst») является одним из ключевых, эмоциональных концептов, который

обладает экзистенциальной значимостью как для отдельного человека, так и для всего общества.

По данным Немецко-русского синонимического словаря, синонимический ряд «*Angst*» включает в себя 11 слов — *die Angst* (страх), *die Scheu* (боязнь), *die Beklemmung* (стеснение), *die Furcht* (страх), *der Schreck* (ужас), *der Schrecken* (ужас), *der Schauder* (ужас), *das Grauen* (ужас, страх), *das Grausen* (ужас), *das Entsetzen* (ужас), *die Panik* (паника). Доминантой в этом ряду выступает слово *Angst*. Все эти языковые единицы, объединенные общностью содержания можно подвести под одно концептуальное поле.

Однако, в рамках художественного текста концепт страха может выражаться не только синонимическим рядом «*Angst*». Многие исследователи указывают на то, что в речи необходимо различать, прежде всего, выражение эмоций (вербальным и невербальным путём) и описание эмоций, что требует их специального обозначения лексическими средствами или средствами пунктуации в художественном произведении. Вербально оформленные концепты наиболее доступны для исследования и понимания. Невербально оформленные концепты помогают лучше понять внутренний мир героя, его характер, общую ситуацию происходящего или мотив действий. С помощью концепта страха выраженного различными номинациями можно понять даже общие черты настроений в эпохе.

Структурно-семантическая организация концепта «художник» в художественном дискурсе С. Моэма

В. Н. Коробчак

(Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир)

Художественный концепт представляет собой особо интересный объект исследования. В. А. Маслова считает художественный концепт сочетанием чувств, эмоций, представлений, чье возникновение базируется на художественной ассоциативности. Соответственно, наличие у автора большого количества эмоционального и культурного опыта ведет к увеличению глубины и широты концептов, применяемых данным автором [2: 34].

По мнению И. П. Черкасовой, основными характеристиками художественного концепта можно назвать следующие: является нижним пределом (по Ю. С. Степанову); представляет собой квант специфического личностного знания или сознания, образованного на базе опыта, приобретенного личностью и ее языковой картине мира. Эгоцентричен. В расчет берутся индивидуальные особенности личности (возрастные, психологические, физические); является условным и находится в подчинении у идей (в том числе и авторской) и текстовых смыслов. В художественном целом проявляется на ступени текстовых смыслов; формируется посредством метафоризации и образности. Выражается при помощи

фраз и сверхфразовых объединений; распределен по всему тексту и обладает динамичностью в нем и в диалоге формата «текст-адресат». Имеет тенденцию к кристаллизации при распределении; господствующей особенностью концепта является его предметно-образная грань; из-за тесной связи с восприятием, мышлением, осмыслением и другими процессами сильно выражена такая характеристика как эмоциональность. Постоянно современен и реален, благодаря множественным рождениям в процессе диалога «текст-адресат» [3: 62].

По мнению В. Б. Волковой, концепт отражает индивидуально-авторское сознание и является основным элементом художественной картины мира, под которой автор понимает «многоуровневое образование» состоящее из элементов индивидуально-авторской и национальной картин мира. Концепт состоит из понятийного, образного, ценностного, символического компонентов. Как считает В. Б. Волкова, исследование концептов должно проходить при использовании таких методов анализа художественного текста, как интертекстуальный, дискурсивный, концептуальный анализ [1: 15].

Основные характеристики художественного концепта, перечисленные выше, по мнению И. П. Черкасовой, можно продемонстрировать в приведенных в статье примерах. В цикле эссе С. Моэма «Рассеянные мысли» основополагающие концепты, на которых основана картина мира автора, подразделяются на две группы: концепты первого уровня и концепты второго уровня.

Основные концепты первого уровня это писатель, художник, детектив и философ. В данной статье представлена интерпретация авторского концепта Моэма «художник».

В основе индивидуально-авторского концепта С. Моэма «художник» лежит дихотомия «Талант — благодать Божья». Рождение произведения искусства воспринимается писателем как явление чуда. Неслучайно повествование о художнике Моэм начинается с описания чудесного явления Богородицы простолюдину.

He left to return to his village, and as he went told whomsoever he met of the strange thing that had occurred to him.

Богородица, оживляя умерших, явила человеку безграничность божественной силы. Только присутствием в художнике божественного дара можно объяснить его возможность вдохнуть душу в соединенные с холстами краски.

Then the sick, suffering from various ills, came to that spot, and when they prayed to the image of Our Lady they were healed;

Подобно тому, как зовут к себе миллионы верующих святыни, влекут простых обывателей произведения искусства, наполненные божественной силой, одухотворенные и величественные:

Notwithstanding that the sanctuary was in a wild and almost inaccessible place pilgrims came from afar off to do reverence to the image on account of the miracles and marvels which by means of it St. Mary performed.

В эссе Моэма талант предстает божественным даром, таинственным, неповторимым и непостижимым:

Talent is a mysterious gift of nature for which there is no accounting.

Размышляя о таланте, Моэм начинает с тяжелого труда и подчиненного положения творца. Дар не всегда сопровождается почитанием и богатством.

That is not to be wondered at, for there is of necessity a great deal of monotonous regularity in a painter's life.... His social position was humble, on a level with the goldsmith's and silversmith's, the cabinet-maker's and the book-binder's.

И все же творец будет создавать произведения искусства, просто потому, что не может иначе существовать. Настоящий художник способен увидеть недоступную простому обывателю красоту человеческой души и представить ее с помощью обычных красок на холсте, вдохнув в картину жизнь. Вдохновение — символ творчества, состояние не поддающееся логическому объяснению.

Литература

1. Волкова В. Б. Концептосфера современной военной прозы. автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2014. 43 с.
2. Маслова В. А. Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. М. : Флинта, 2004. 254 с.

3. Черкасова И. П. Лингвокультурный концепт «ангел» в пространстве художественного мышления. Армавир: АГПУ, 2005. 256 с.

Многозначность как следствие смещения речевых жанров в сказовой прозе

Д. М. Красоткин

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

Теория речевых жанров М. М. Бахтина — одна из оригинальных его идей, получившая широкое развитие и по сей день актуальная в науке. Проект этот оказался настолько глобальным и масштабным, что представляется едва ли возможным очертить его границы. К тому же Бахтин в своей исходной работе «Проблема речевых жанров» дал только несколько изначальных положений этой теории и лишь наметил основные пути исследования. По большей части бахтинская концепция развивалась в русле лингвистики. Однако периодически в литературоведении тоже точечно возрождается интерес к теории речевых жанров, поскольку Бахтин подчеркивал, что его теория лежит на границах лингвистики и литературоведения. В этом докладе совершается как раз такая попытка применения теории в рамках литературоведения.

Обратимся к первоисточнику, дабы напомнить основные положения теории речевых жанров. Прежде всего, под самим понятием речевой жанр Бахтин понимает «относительно устойчивые типы высказываний» [1: 150]. Конститутивными чертами речевого жанра являются: 1) тематическое, стилистическое и композиционное единство жанра; 2) единство субъекта высказывания; 3)

отношение объекта высказывания; 4) референтная соотнесенность высказываний [2: 27].

Кроме того Бахтин делит все речевые жанры на первичные (простые) и вторичные (сложные). Первичные жанры ситуативны и направлены на решение конкретных коммуникативных задач. Вторичные жанры «вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [1: 252]. Так, например, жанр «рассказ», относящийся к художественной литературе, будет являться вторичным жанром.

Возьмем для анализа программный рассказ Михаила Зощенко, известного советского писателя, «Аристократка». Сам рассказ уже являет собой разновидность вторичного речевого жанра, но текст вбирает в себя различные первичные жанры.

Проза Зощенко, в том числе и рассказ «Аристократка», сказовая, т. е. повествование в тексте ведется в форме сказа (письменное воспроизведение устной речи, по Бахтину). Сказ представляет собой «особый тип повествования, строящегося как рассказ некоего отдаленного от автора лица (конкретно поименованного или подразумеваемого), обладающего своеобразной собственной речевой манерой» [3: 187].

«Аристократка» начинается с вводящей фразы: *Григорий Иванович шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и начал рассказывать*. Данная лексия относится к отстраненному повествователю, являющемуся третьим лицом по отношению к ге-

роям повествования. Дальнейший же текст представляется в сказовой форме. Некто Григорий Иванович рассказывает свою историю. Таким образом, нарративная структура текста строится из нескольких частей.

Лингвисты выделяют также элементарные и комплексные жанры. В случае с рассказом Зощенко речь идет о вторичном жанре (рассказ), в который включен комплексный жанр (бытовая беседа), который в свою очередь членится на некоторые элементарные жанры. Так, в рамках комплексного жанра происходит смена элементарных жанров, что приводит к смещению первого.

Такие смещения элементарных речевых жанров позволяют осмыслять целостный текст в разных интерпретационных ключах. Соотношения в речевых жанров между собой в сказовой прозе играют важную роль в формировании целостного понимания художественного текста.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
3. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

К вопросу о работе над концептуальным словарём тверской герменевтической школы

Н. Ф. Крюкова

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

Герменевтика — толковательное искусство, поэтому концептуальный герменевтический словарь должен быть толковым словарём. Говорящий употребляет слово, спрашивающий о значении хочет его понять, а отвечающий толкует. Употреблять (или использовать, пользоваться), толковать и понимать слова — это разновидность триады дела, слова и мысли. Задача филологической герменевтики — восстанавливать опускаемый средний член триады мысли, слова, дела. Значение слова относится к словесному толкованию, а смысл к мысленному пониманию, так их стоит различать. Толкование, ис-толкование — это вывод внутреннего значения, смысла, толка наружу. Для правильного толкования слова недостаточно его понять, нужно ещё высказать своё понимание. Мысленное понимание даёт понимающему немой смысл слова, а словесное толкование даёт толкуемому слову значение. Толкование — прямая речь, а понимание-пересказ-перевод — косвенная.

Толкуя слово, мы говорим, что оно значит, и в ответ на вопрос о его значении называем некоторое другое слово, таким образом особую лексикографическую значимость приобретает проблема

синонимичных рядов. Толкователь не лингвист и филологическая герменевтика, словотолковательная наука, не лингвистическая семантика/семасиология. Синоним — чужое слово; своё слово можно дать только через родовое сходство и отличие. Толкование или определение отвечает на вопрос, что общего и в чём разница между тем-то и тем-то. «Всё познаётся», то есть отличается, «в сравнении», при этом родовой признак — первое, общее, межродовое отличие.

Проблема также заключается в том, что толкователь, не будучи переводчиком-лингвистом, не усваивает чужие слова, а отчуждает свои мысли о них, и эта работа требует огромных герменевтических усилий.

Толкователь призван говорить словами говорящего, если же говорить от себя, от своего лица и имени, получается «отсебятина». Следует также помнить, что толкователь — не популяризатор.

Герменевтике нужна не математическая и естественно научная строгость ради точности, а гуманитарная строгость ради глубины: точность и глубину различают (см. об этом у М. М. Бахтина). Хорошее толкование — глубокое, это перевод хорош точный.

Словарное толкование по-французски и по-английски *дефиниция*, а не *интерпретация*. Поэтому герменевтика ведаёт *интерпретацией текстов*, а *дефиниция* отдельных слов относится к семантике. *Толковый концептуальный словарь* предусматрива-

ет более основательную герменевтику, связанную с интерпретацией текста.

Десоматизация и перспективы философско-антропологических проектов

В. Ю. Лебедев

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

Становление комплекса дисциплин, связанных с проблемами интерпретации, происходило в период оживленного конфликта и размежевания «наук о природе и наук о культуре». Посткантовская онтология задала целый методологический вектор, приведший к последствиям в виде деантропологизации наук о человеке. Одна из причин — концепция трансцендентального субъекта, ставшая отдаленным предвосхищением «человека без тела». Антропологический деконструктивизм, сдержанный на какое-то время материализмом и натурализмом просветителей, особенно французских, в XIX в. в значительной степени определяет направление гуманитарного знания, постоянно находящегося в азитированном стремлении доказать естественным наукам (а вскоре и социальным, в том виде, в каком они были именно тогда, с их позитивистскими установками) свою состоятельность — при почти полном безразличии другой стороны, предпочитавшей определяться с приоритетами развития самостоятельно. Комплекс биологических дисциплин в результате стремительно рос помимо гуманитарных концепций, конструировавших человека, выглядевшего, в координатах естественных наук, странно.

Ситуация приобрела резкие черты по мере становления экспериментальной психологии с ее классическими доказательными и верификационными возможностями. Соматическое начало в гуманитарном мировоззрении было практически удалено, даже если на словах его существование и признавалось. Соматика и все, связанное с нею, исключалось из зоны проблематизации. Последствия сказались с некоторым промедлением, попытки классиков философской антропологии вернуть телесность в философскую модель человека и дать ее серьезный анализ не смогли принципиально изменить ход гуманитарного знания о человеке (превращающегося исключительно в симулякр, социальное тело и т.п.), направление которого было взято еще в момент «скандального размежевания» наук.

Образы человека в китайских и русских пословицах (на основании статистики концептов)

Линь Цзиньфэн

(Ланчжоуский политехнический университет, г. о. Ланчжоу),

С. В. Чебанов (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Исследование статистики концептов, описывающих составность человека, по классическим собраниям русских (собрание В. И. Даля) и китайских (Собрание китайских пословиц Ланчжоуского института искусств) пословиц, обнаруживает в них разные образы человека. В русской (Р) пословичной картине мира (РПКМ) соотношения концептов [ТЕЛО] и [ДУША] соизмерно, в то время как в китайской их частоты различаются в разы, а различие в соотношении концептов [ДУША] и [ДУХ] ещё больше (не говоря о наличии в РПКМ важных в нормативном отношении комплексов [ТЕЛО]+[ДУША]+[ДУХ] — отношения брака и [ДУША]+[ДУХ] — отношения кумовства). При этом в РПКМ концепты [ДУША] и [ДУХ] занимают центральное место, но не вполне сформированы. [ДУША] является носителем жизни и отражением внутреннего мира человека, это то, что делает человека живым, она индивидуальна, чувствительна. [ДУША] является сущностью [ТЕЛА] и всегда существует вместе с [ТЕЛОМ], в то время как [ДУХ] — некая нематериальная субстанция, она не индивидуальна, но тоже несёт в себе жизнь,

[ДУХ] присущ не отдельному человеку, а народам, социуму или человечеству. [ТЕЛО] же — материально, являетсяместищем [ДУШИ] и пронизано [ДУХОМ]. Русский человек в большой мере ориентирован на свою не очень дифференцированную душевную жизнь, которая непосредственно связана с жизнью тела. При этом можно отметить (что не вполне ожидаемо) довольно большое значение, придаваемое уму, причём уму практическому, связанному с умением.

В китайской (К) ПКМ человек прежде всего, имеет рот, который требует насыщения. Поэтому человек должен обладать физической силой и выносливостью. Это обеспечивает ему сильное [СЕРДЦЕ], понимаемое как часть тела. [ГЛАЗА] и [РУКИ] должны помогать ему в труде до изнеможения, до боли в [СПИНЕ] и [ПОЯСНИЦЕ], до изъязвления [КОЖИ]. [СЕРДЦЕ] безусловно связано с [ДУШОЙ]. Поэтому [ДУШУ] можно рассматривать как центр китайской пословичной картины мира, причём [ДУША] в китайской культуре — не столько особая субстанция, сколько идея субстанциального и морально-психологического единства человека, представляющего собой целостный организм. [ВНУТРЕННИЙ ОРГАН] — своеобразный концепт, который тесно связан с китайской традиционной медициной и является неотъемлемой частью китайской культуры. Понимание [ДУХА] связано с конфуцианством, даосизмом и буддизмом, тогда как в русской культуре центром православной веры является триединный Бог. [ТЕЛО] для китайцев не просто материя или механизм.

Человеческий организм является частью универсума, выступает как связующее звено триады небо-человек-земля (тянь-жэнь-ди).

Понятие «языковая личность» в исследованиях Г. И. Богина

Ю. А. Львова

(Тверской государственной университет, г. Тверь)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393 «Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики».

Впервые появившееся в работе немецкого языковеда Лео Вайсгербера «Родной язык и формирование духа» 1927 г. понятие «языковая личность» начинает активно использоваться в филологических исследованиях на русском языке начиная с конца XX в. Нас здесь интересует прежде всего формирование этого понятия в работах Г. И. Богина.

Понятие «языковая личность» появляется в работе Г. И. Богина 1980 г. «Современная лингводидактика», где оно определяется как «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки», то есть тот «кто присваивает язык, т. е. тот, для кого язык есть речь». Этот же термин будет вынесен в названия диссертаций 1982 и 1984 гг.: «Концепция языковой личности» и «Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста» соответственно.

В докторской диссертации Г. И. Богина, защищенной в 1984 г., понятие «языковая личность» определяется следующим

образом: «субъект речевой деятельности как носитель готовности создавать и принимать произведения речи (тексты)». Построение модели языковой личности, как системы готовностей, основана на языке как субстрате языковой личности, что влечет за собой необходимость включения параметров структуры языка в параметры языковой личности (фонетика, лексика, грамматика) и основных видов речевой деятельности (говорение, слушание, письмо, чтение). При анализе суждения о функциях компонентов структуры языковой личности носят оценочный характер, что позволяет выстроить уровневую систему (уровень правильности, уровень интериоризации, уровень насыщенности, уровень адекватного выбора, уровень адекватного синтеза).

Предложенная в диссертациях, датируемых началом 1980-х гг., модель языковой личности практически повторяет модель относительно полного владения языком, которая представлена в работах начала 1970-х гг., написанных во время работы в Кокчетавском педагогическом институте, в том числе в диссертации на соискание степени доктора психологических наук «Языковая компетенция человека как предмет психолого-педагогического исследования» 1973 г. В исследованиях начала 1970-х гг. Г. И. Богин предлагает параметрическую модель языковых компетенций на основе параметрической модели интеллекта Гилфорда и Терстона. В первоначальной модели языковые компетенции полагаются как «способность человека к использованию языка в своей деятельности» и «накладываются» на основные группы

неспецифических компетенций, таких как трудовая, познавательная и социально-коммуникативная. Языковые компетенции при этом не рассматриваются как источник других компетенций человека, но рассматриваются как обязательное условие наличия всех других компетенций.

Иерархическое расположение уровней компетенций позволяет создать модель, которая представляет результат идеального обучения, что в позднейших исследованиях Г. И. Богин будет определять как родовую способность или языковую потенцию человека, в отличие от реализации этой потенции в конкретной личности (здесь оказывается очень кстати различие индивидуальной и коллективной языковой личности в работе В. В. Виноградова). Предлагаемая иерархия компетенций выстраивается на основе оценочных суждений и определяет готовность субъекта к деятельности. В дальнейших работах понятие «языковые компетенции» заменяется на «языковая личность», которое определяется через способность использовать язык в деятельности, что в значительной степени размывает границы данного термина и его субстантивации: термин «языковая личность» используется в различных контекстах для обозначения «носителя языка», «субъекта», «личности» и совокупности языковых компетенций.

**Сравнение в переводе литературно-художественного текста
как средство активизации рефлексии
(на примере текста А. Сапковского «Последнее желание»)**

М. А. Мартюшева

(Тверской государственной университет, г. Тверь)

Цикл А. Сапковского о Ведьмаке является примером польского романа в жанре фэнтези конца XXв. С него в Польше начинается период фантастики «нового образца». Цикл в основном мы знаем в переводе Е. П. Вайсброта. В данном исследовании в качестве примера была выбрана первая книга цикла — «Последнее желание» в переводе Е. П. Вайсброта.

Текст наполнен различного рода изобразительно-выразительными средствами, призванными дать читателю наиболее яркую, полную картину происходящего, что характерно для жанра и что вызывает большинство проблемных ситуаций при переводе. Одним из таких средств является сравнение, которое при переводе на русский язык может представляться неоднозначными и предполагать несколько вариантов перевода, от выбора которых будет зависеть и восприятие и интерпретация выражения, поскольку культурный фон у носителей языков несколько отличается. Если же сравнение при переводе теряет исходное значение, коннотацию, меняет стилистическую окраску, а может и приобретает то, чего не было в оригинале, то в таком случае не только меняется

восприятие текста перевода, но и снижается смыслообразующий потенциал самого оригинала.

Языки близкородственные. Наиболее часто сравнение строится посредством идентичных грамматических конструкций. Тогда основная задача — выбрать одну из наиболее подходящих связей, что зависит либо от предпочтений переводчика, либо от стиля, ритма, рифмы произведения. Допускается любой вариант, так как сравнительные союзы не определяют компаративные отношения в словосочетаниях.

Конечно, существуют некоторые устоявшиеся уже соответствия, таблицы. Но часто бывает так, что одно и то же понятие или выражение в реалиях различных культур, языков переосмысливается по-разному, выполняет различные коммуникативные задачи, что, конечно же, является большой задачей для переводчика. Часто более приемлемым вариантом перевода устойчивого выражения становится замена оригинала подобным фразеологизмом из языка перевода. В таком случае меняется образная составляющая выражения, но исходная идея остается неизменной и воспринимается в равной степени естественно для обоих языков.

Нередко переводчик вынужден отказаться от сохранения исходного свободного сравнения, в пользу устойчивого выражения на языке перевода. Перед ним встает выбор: или менять конструкцию, сохраняя стиль рассказа персонажа, либо приблизить к дословному переводу, что приведет к разрушению устоявшегося образа героя, которому принадлежат эти слова. Что мо-

жет повлиять и на восприятие произведения в целом. Существуют и примеры, где переводчик несколько дополняет или сокращает исходный вариант сопоставления, так как в одном из языков выражение является многозначным.

В случаях же индивидуально-авторских сравнений, не являющихся характерными для большинства носителей языка, чаще всего проблема перевода решается путем дословной передачи элементов сравнения. Тогда и читатель воспринимает их как локальный случай употребления выражения, так как для его культурного дискурса такое сравнение также является единичным.

Необходимо постараться сохранить исходный стиль, исходный посыл, что не всегда является простой задачей. А это возможно только при форенизации, т. к. при доместикации текста доля смысла (а зачастую и весь смысл исходного высказывания) теряется. Что влияет на его восприятие, т. к. читатель уже не увидит в нем тех отсылок, ассоциаций, идей, которые доступны читателю на языке оригинала.

Получается, что даже при переводе между близкородственными языками таких относительно простых языковых конструкций буквальный перевод может привести к потере выразительности культурных реалий, а значит к потере стилистической и смысловой. Но это не отменяет того факта, что существуют простейшие конструкции, отдельные случаи употребления, требующие буквального перевода, так как любая другая стратегия перевода при-

ведет к неизбежному нарушению на одном или нескольких уровнях перцепции самой переводимой единицы, а может даже и всего текста.

Открытость и незавершённость текста: субъективное проживание читателем

Е. М. Масленникова

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

Обсуждается пространственность текста как параметр интерпретирующего диапазона, задающего направление читательской интерпретации. Читательская личностная проекция текста рассматривается как результат его субъективного проживания событий из Мира текста.

Ключевые слова: текст, понимание, интерпретация, проекция текста.

1. Открытость текста для читателя и его незамкнутость относительно других текстов, обусловленная таким свойством текста, как пространственность, не противоречит положению о тексте как о завершённом объекте с чётко очерченными границами.

2. Текст задаёт собственный интерпретирующий диапазон, внутри которого существует градуальность интерпретации. При этом художественный (в полном смысле этого слова) и культурно-значимый текст всегда содержит в себе множество всех существующих и потенциальных толкований (интерпретаций) и не может иметь одну единственно верную интерпретацию. N-возможная потенциальная безграничность текста представляет собой некую динамику его незавершённости, в результате чего создаются благоприятные условия для расширения смыслового про-

странства текста: «понимание целого текста имеет тенденцию к свободе: нет двух совершенно одинаковых пониманий одного и того же протяжённого речевого произведения» [1: 2].

3. Временной барьер, разграничивающий автора и читателя / читателей, определяет расположение исходной авторской проекции текста и получаемой читательской проекции текста относительно интерпретирующего диапазона. При этом смысловое пространство может расширяться даже в направлении, не предусмотренном самим автором: срабатывает коммуникативная установка читателя [2 и др.], когда читатель начинает «перепонимать» текст.

4. Читатель действует внутри интерпретативных рамок, вырабатывая новые формы синтеза исходных элементов содержания, получая в результате новые смыслы. Постоянное обращение к тексту делает его незавершённым в культурологическом пространстве. Динамика незавершённости создаёт благоприятные условия для расширения смыслового пространства текста, предопределяя традиции его прочтения и общность памяти у читательской аудитории.

5. Текстовая коммуникация представляет собой практический непрерывный процесс обращения потенциального N-множества читателей к одному и тому же тексту, границы которого становятся подвижными, например, в зависимости от (не)разделения традиций текстопостроения, сложившихся стратегий текстопонимания и т. д. Получаемая индивидуальная читательская проекция

текста представляет собой субъективное переживание-проживание текста.

Литература

1. Богин Г. И. Рефлексивность и импульсивность в коммуникации // Культура общения и её формирование. Воронеж: ВИП-КРО, 1996. С. 2—3.
2. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 87 с.

Рефлексия и понимание в обучении

Е. С. Никитина (Институт языкознания РАН, г. Москва)

Мышление, понимание, рефлексия, восприятие, внимание, память — все это когнитивные процессы, отвечающие за обработку, хранение и передачу знаний. Что их объединяет и отличает друг от друга? Чтобы ответить на эти вопросы, надо рассмотреть такие виды умственной активности, где эти процессы выступают по отдельности, так сказать, в своей качественной определенности. Нас будет интересовать понимание и рефлексия.

По замечанию Г. П. Щедровицкого, «несмотря на то, что рефлексия приобрела столь важное и широкое значение и трактуется сейчас как наиболее важный механизм человеческой социальной жизни во всех её формах и проявлениях и даже как источник и средство свободы человеческой личности, — несмотря на всё это, «рефлексия» как была словом со смыслом, но без предмета и объекта, так и остаётся сейчас точно таким же словом» [3].

Общее место в понимании рефлексии есть рассмотрение ее в качестве особой способности человеческого сознания рассматривать своё собственное содержание, расчленять это содержание и представлять отдельные его части в той или иной форме. Способность эта предопределена знаковой, точнее языковой, природой сознания. Язык — единственная из знаковых систем, где

означивание протекает в двух разных измерениях. «Привилегированное положение языка заключается в его свойстве осуществлять одновременно и означивание знаков и означивание высказывания. Отсюда и проистекает его главная способность, способность создавать второй уровень высказывания, когда становится возможным высказывать нечто означивающее о самом означивании. В этой метаязыковой способности и лежит источник отношения интерпретирования, благодаря которому язык включает в себя другие системы» [1].

Пространством, в онтологическом и объектном смысле его понимания, в котором существует рефлексия как некоторое самостоятельное явление и как некоторый реальный предмет, нам видится педагогика в ее отношении к наукам. Обучение — источник гуманитарных наук. Поскольку нужно кого-то обучать, возникает знание. Важно, тем не менее, осознавать, что преподавание дисциплин само по себе не является самой этой дисциплиной, где знания вырабатываются и накапливаются. В обучении заключен некоторый опыт отбора, систематизации, упорядочивания по степени сложности, доступности, последовательности, контроля усвоения знаний. Процесс обучения выступает в качестве модели передачи знаний во времени. На одном полюсе — Учитель. На другом — кто учится, получая знания, понимать смысл усвоенного материала.

Понимание есть второй вектор процесса обучения, направленный от ученика к учителю. В качестве самостоятельного вида ум-

ственной активности понимание сформировано процессом чтения. «Ведь печатное слово есть определенная остановка умственного движения, своего рода «стоп-кадр», позволяющий возвращаться к началу и соотносить его с результатом еще в процессе самого движения. Понимание проявляется в результате открытия «точки зрения» как единого и однородного пространства в диалогическом взаимодействии с текстом. Воплотившись в букве, слово оторвалось от своей первоначальной связи со звуком, превратилось в пространственную вещь, стало телом. И продолжило свое путешествие по свету уже без автора. Пережив автора, текст не нуждался в его комментариях, вступая в диалог с иными текстами [2: 100]. Текст стал посредником коммуникативного акта. Он несет не просто информацию о каких-либо событиях, но и цель (смысл) передачи этой информации в определенный временной отрезок — в конкретной коммуникативной ситуации. Восстановление «намерения» текста есть восстановление его субъектности. Понимание есть акт воссоздания смысловых отношений, в противоположность отношениям предметным. Но вне предметности смысл не живет.

Принципиально важно, что текст гетерогенен с точки зрения смысловой организации, которая формирует смысловое поле текста в качестве субъекта коммуникативного взаимодействия.

Через зазор же между содержанием и смыслами текста понимающий индивид может выходить в рефлексивную позицию относительно своего понимания, исследовать его в качестве предмета

рефлексии. Без обращения к смысловой организации текста такое движение не осуществимо. Рефлексия и понимание — две взаимосвязанные процедуры в актах обучения, расширения сферы знаний осознающего себя субъекта.

Литература

1. Бенвенист Э. Семиология языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. Сс. 69—89.
2. Никитина Е. С. Смысловый анализ текста. Психосемиотический подход. М.: ЛЕНАНД, 2015. 200 с.
3. Щедровицкий Г. П.: Рефлексия в деятельности [Электронный ресурс] URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5242> (дата обращения: 07.06.2007).

Педагогический аспект интерпретации художественного текста

Д. Я. Новикова

(Тверской государственной университет, г. Тверь)

Пророческое воззвание Г. И. Богина о том, что «факультет иностранных языков может и должен построить такую программу обучающихся и воспитывающих воздействий на студента, которая гарантированно находила бы продолжение в программе самообучения и самовоспитания выпускника вуза» как никогда актуально в настоящее время. При этом Г. И. Богин в первую очередь имел в виду «вопрос о чтении художественной литературы на иностранном языке». Обильное чтение, начитанность были для Георгия Исаевича показателями культуры человека, поэтому во многих его трудах он ставил задачи научения чтению художественных текстов. Художественный текст он рассматривал «как высший тип комплектации текста» и предложил методику работы с художественным текстом.

Понимание — цель чтения. Каждый читающий художественное произведение в той или иной мере становится его интерпретатором. Но процесс интерпретации художественного текста очень сложен и предполагает солидную лингвистическую подготовку студента, филологический кругозор, умение разбираться в сложной ткани повествования, состоящей из многих стилистиче-

ски колоритных фигур синтаксиса, разнообразных компонентов композиции, нередко скрытых, выраженных имплицитно. Поэтому далеко не всем удастся извлечь из произведения все заложенное в нем богатство, раскрыть замысел автора, осознать истинный смысл произведения. Такого рода деятельность становится в особенности трудной при чтении иноязычных аутентичных текстов, когда студентам, изучающим немецкий язык как второй иностранный, приходится сталкиваться с несколькими сложностями: во-первых, с наличием незнакомых иностранных слов, во-вторых, с познанием глубинных пластов произведения, созданного как ответ на вопросы своего времени той эпохой, в которой оно возникло, и, в третьих, с пониманием идеи произведения, связанного с внутренним миром автора, его мироощущением. Практика преподавания показывает, что неумение увидеть все это ведет к разрозненному восприятию текста, из поля зрения обучающихся выпадают многие факторы художественности, что в конечном итоге приводит к поверхностному толкованию художественного произведения в целом.

Работа над художественным текстом на языковом занятии один из самых увлекательных, но и самых сложных видов учебной деятельности как для обучаемого, так и для преподавателя (Н. В. Кулибина). В этой связи известную важность представляет педагогический аспект интерпретации текста, предполагающий обучение чтению как специфическому виду деятельности, направленной не только на стимулирование процесса поиска обу-

чаемыми языковых средств и форм для формирования и адекватного выражения собственных мыслей, идей, чувств и переживаний на основе имеющихся речевых навыков (стимулирование «разговаривания»), но и на освоение смысловой, идейно-нравственной, эстетической и эмоциональной информации художественного произведения. Чтобы понять смысл читаемого текста, студент должен стать участником сложного процесса понимания текста, используя опыт и знания о мире, знание слов, языковых конструкций и стратегий чтения.

В процессе чтения художественной литературы происходит обучение языку. «Текст сознательно превращается в урок языка» (Ю. М. Лотман). Художественный текст действительно обладает мощным лингводидактическим потенциалом: смысловое восприятие средств его языкового выражения, языковая рефлексия над ними не только дают читателю определённые знания, но и учат тому, каким образом получить новые, помогают изучающему язык освоиться в новом языковом пространстве. В этом смысле переоценить роль художественного текста в учебном процессе по второму ИЯ невозможно, как нельзя признать законченными поиски оптимальной методики его использования при обучении языку, что однозначно определяет актуальность любых попыток решения данной задачи, в том числе и предпринятого нами исследования.

На занятиях по домашнему чтению со студентами старших курсов специального факультета целесообразно использовать

подход к рассмотрению текста с позиции «стилистики восприятия», т. е. стилистики получателя речи, стилистики декодирования (И. В. Арнольд). При таком подходе анализ концентрируется на самом тексте, его рациональном и эмоциональном воздействии на читателя. Получатель речи, интерпретирующий текст, должен обращать внимание не только на то, как воздействует на него текст, но и на то, за счет каких элементов текста создается определенное впечатление, какими средствами достигается это воздействие на читателя.

В статье будет показан один из вариантов работы на занятиях по второму иностранному языку (аспект «домашнее чтение») на примере романа Э. М. Ремарка «Ночь в Лиссабоне».

Лингводидактика полагает языковую личность как один из компонентов существования языка, того, кто присваивает язык, того, для кого язык есть речь. В связи с этим в лингвистике появляется понятие языковой личности, представляющее язык как инструмент индивидуального и социального познания человеком действительности. Отношения двух состояния языковой способности человека перевыражают отношения языка и речи (текста). В частности, в полагании иностранного языка как объекта, фокус с необходимостью переносится с системно-структурного описания языка на самого субъекта языка и его деятельность. Если текст с очевидностью связан с деятельностью индивида, то язык часто рассматривается как нечто отдельное и независимое от него. Вместе с тем, язык в форме языковой способности принадлежит чело-

веку не только как социальному и культурному существу, но и как понимающему индивиду. Языковая личность имеет дело с языком не только в его коммуникативной функции, но также и в смыслообразующей, познающей и в функции памяти культуры. В филологической герменевтике проявления языковой личности индивида оцениваются с точки зрения успешности или неуспешности производства и понимания текстов как действий, основанных на высказанной или невысказанной рефлексии. Тексты дают возможность изучать как язык, так и понимающую деятельность человека, при этом планирование ситуации непонимания является способом существования художественных текстов. В свою очередь, нехудожественные тексты создают ситуацию познания, в которой достаточность формы оптимизирует понимание.

Языковая личность в лингводидактике Г. И. Богина как инструмент исследования понимания

М. В. Оборина

(Тверской государственный университет, Тверь)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393 «Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики».

Лингводидактика полагает языковую личность как один из компонентов существования языка, того, кто присваивает язык, того, для кого язык есть речь. В связи с этим в лингвистике появляется понятие языковой личности, представляющее язык как инструмент индивидуального и социального познания человеком действительности. Отношения двух состояний языковой способности человека перевыражают отношения языка и речи (текста). В частности, в полагании иностранного языка как объекта, фокус с необходимостью переносится с системно-структурного описания языка на самого субъекта языка и его деятельность.

Если текст с очевидностью связан с деятельностью индивида, то язык часто рассматривается как нечто отдельное и независимое от него. Вместе с тем, язык в форме языковой способности принадлежит человеку не только как социальному и культурному существу, но и как понимающему индивиду. Языковая личность

имеет дело с языком не только в его коммуникативной функции, но также и в смыслообразующей, познающей и в функции памяти культуры. В филологической герменевтике проявления языковой личности индивида оцениваются с точки зрения успешности или неуспешности производства и понимания текстов как действий, основанных на высказанной или невысказанной рефлексии. Тексты дают возможность изучать как язык, так и понимающую деятельность человека, при этом планирование ситуации непонимания является способом существования художественных текстов. В свою очередь, нехудожественные тексты создают ситуацию познания, в которой достаточность формы оптимизирует понимание.

Понимание в Московском методологическом кружке

М. В. Оборина

(Тверской государственной университет, г. Тверь),

М. Е. Отставнов (г. Тверь)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393 «Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики».

1. Путь от исходных представлений Московского методологического кружка о содержательной логике и мышлении как деятельности в 1950—70-х гг. — «сад расходящихся тропок». Понятия о чистом мышлении, коммуникации и деятельности соотношены между собой в истории ММК (и истории взаимоотношения ММК с другими традициями), но не были связаны теоретически. При этом важнейшим оставался тезис о единстве их объекта (ныне мы называем его «мыследеятельностью»).

2. В чем специфика совокупности теорий, заложенных в ММК? Не в разработке любого из перечисленных блоков представлений. Послойное замещение и отнесение знаков в мышлении близко фанероскопии Ч. С. Пирса (и, возможно, австрийской феноменологии в ее майнонговском изводе). Схематизация коммуникации при всей разнице в интерпретациях неотличима от принятой в московско-тартуской (и не только) семиотике. Деятель-

ность в ММК уникальна в части экспликации воспроизводственной ее основы (важность воспроизводства имплицитно принимается и некоторыми другими школами), но в кооперативно-позиционных схемах близка к общему месту (несмотря на различия между нашими «позициями» и — «ролями» в современном анализе и инженерии систем).

3. Эта специфика и не в утверждении связи мышления с деятельностью. С тем, что «деятельность без мышления должна быть уголовно наказуема» согласится большинство мыслителей проживших и присвоивших историю XX в., увы, не только интеллектуальную. Легко вербовать сторонников и под тезис о бессодержательности чистого (вне деятельностного контекста) мышления, причем даже в оппонирующих традициях (так или иначе как раз его и противопоставляли исходной программе содержательно-генетической логики).

4. Специфика нашей традиции, взятой в своей полноте (и называемой системомыследеятельностной методологией), — в утверждении конкретного способа связи мышления и деятельности (точнее, действия) через коммуникацию, представленно в рабочей схеме мыследеятельности (рубеж 1970-х—80-х гг.). Ее онтологическое прочтение резко противостоит науке: для науки вопрос о сущностной связи трех изображений одного объекта бессмыслен. Однако, схема — не изображение, точнее, не только изображение, схема есть принцип, разворачиваемый как минимум двояко: как знание об объекте и как организация деятельности.

Неведомые науке, схемы широко используются в человеческой практике (от правил дорожного движения до военных уставов, которые пишутся как руководство действия для своих, а изучаются как знание о возможных действиях противника).

5. Понимание схемы МД как организационной резко противостоит соблазнам эпохи и мира: она утверждает: из мышления в деятельность и обратно — только через коммуникацию. Социальное или социокультурное (в отличие от технического) действие нельзя производить тотальным образом; социотехника недопустима.

6. Схемой МД задается расширенное понимание рефлексии: не только как мышления над мышлением (перехода из одной мыслительной позиции в другую, также мыслительную), но как перехода между слоями МД. (Опять же, попытки «перепрыгнуть» через коммуникацию безрефлексивны и, следовательно, недопустимы.) По сути дела теория МД может быть только теорией рефлексии. Но к «связям рефлексии» дописывается «...и понимания», и здесь проблема. XXI в. должен стать веком наук о понимании, как говорил Щедровицкий, но вот пятая часть века прошла.

7. Понимание можно понять как организованность рефлексии, или как здание, возводимое с помощью лесов рефлексии, или как интуитивное предвосхищение рефлексии... Над соотношением понимания с рефлексией (в ее расширенном понимании) много и упорно думали в Твери и в Пятигорске. Г. И. Богин и его школа дают свой вариант ответа, В. П. Литвинов с сотрудниками и уче-

никами — свой. Об этих вариантах мы будем говорить в последующих докладах в рамках заседания и конференции.

Необходимость понимания в эпоху ускользания смыслов

Е. А. Пигаркина

(Тверской государственной университет, г. Тверь)

Конец XX и первое десятилетие XXI в. в России определились как период постмодерна, который отражает глобальное состояние цивилизации последних десятилетий, культурных наслоений и философских тенденций. В философско-бытийном пространстве постмодернизм рассматривается как критический комментарий ко всему корпусу мировой культуры, оформленный в виде отказа от системного осмысления мира в соответствии с теоретическими схемами.

Последствия отказа от «высоких нарративов» определяют особенности текстов постмодерна: стирание граней между научным и обыденным, между высоким искусством и китчем; распад субъекта как центра системы представлений.

Как следствие возникает проблема усвоения смыслов текстов (элементов культуры) в условиях противопоставления причинной и смысловой детерминации поведения. Текст перестает быть традиционной формой сохранения и трансляции смыслов, которые образуются на основе ассоциативной связи предметов и обладают неисчерпаемой перспективой.

В постмодернистских текстах форма уступает содержанию, происходит смена моносубъектного сознания на синтез множества субъективных впечатлений; художественное сознание обретает неограниченную свободу, что влечёт за собой бесконечность подходов, смысловой коллаж и смену полюсов.

Язык, вмещающая в себя все эпохи, берет материал для текстов повсеместно. Но тексты заполняются символами, содержащими пустоту, т. н. симулякры. Европейская культура пережила вторую половину XX в. в игровой форме постмодерна, однако в бытии современного российского человека постмодерн образует контекст «нормальной ненормальности», наполненной образами и представлениями смыслов, но не самими смыслами.

Пространство понимания текстов эпохи постмодерна можно охарактеризовать как утратившее смысловое единство, что создает критическую ситуацию для построения идентичности и сохранения целостности человека. Постмодернизм внёс свои понятия понимания текстов культуры: антиформа, игра, случайность, отсутствие фиксированной точки, эффект, блуждающий взгляд и др.

В этих условиях особо ценными, с точки зрения понимания, становятся работы исследователей феномена постмодернизма.

Первая разновидность постмодернизма рубежа 1960—70-х гг. — это модернизм в его радикальной версии, нацеленный на активное преобразование мира. В России в конце XX в. было выбрано консервативное направление, где главным маркером высту-

пали ирония, цитатность, игра смыслов и перекомбинация форм. Одним из первых к изучению данной проблемы обратился советский философ В. Я. Ивбулис, чья работа под названием «Модернизм и постмодернизм: идейно-эстетические поиски на Западе» вышла в свет в 1988 г., и в которой постмодернизм представляется лишь как новая конформистская эстетика.

И. П. Ильин пришел к выводу, что постмодернизм первоначально оформился в русле постструктуралистских идей. Российский филолог В. Н. Курицын в своих исследованиях не только обращается к анализу соответствующих западных источников, но и осуществляет ретроспективный анализ ряда явлений, присущих русской художественной культуре.

Философ и культуролог М. Н. Эпштейн в своей работе «Постмодернизм в России. Литература и теория» определяет постмодерн как культуру быстрых и лёгких касаний, которая довольствуется миром симулякров, в котором всё воспринимается как условность, за которой нельзя отыскать каких-либо истоков. Результатом такого поверхностного восприятия, как правило, является «травматический опыт, который приводит к понижению смысловой чувствительности».

Основные герменевтические подходы к изучению религиозных текстов в современной германистике

Е. В. Плисов

(Нижегородский государственный педагогический университет,
г. Нижний Новгород)

Впервые термин «герменевтика» применительно к изучению религиозных текстов был использован лютеранским богословом Й. К. Даннхауэром в работе 1654 г. Под ним он понимал специфический способ библейской экзегезы, наряду с тем, что для него существовало и понятие интерпретации как общего учения о понимании. Начиная с Нового времени, герменевтика осознается как искусство понимания (*Kunstlehre des Verstehens*) или научная дисциплина, которая отражает условия и возможности понимания. Будучи направленным первоначально на изучение Священного Писания, развитие герменевтики тесным образом связано с классической филологией, ветхозаветной и новозаветной экзегезой, патристикой, иудаистикой, литературоведением, национальными филологиями, лингвистикой текста. Библия осознается как классический текст.

Развитие герменевтики связано с трудами таких ученых, как Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Р. Барт, Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр, Ж. Деррида, Ю. Хабермас и др. Сегодня можно

говорить о нескольких аспектах употребления этого понятия.

1. Герменевтика как метод интерпретации текста, когда речь идет об определенных правилах интерпретации, чаще всего библейского текста, но также текста художественного. 2. Герменевтика как методологическая рефлексия основ гуманитарных наук, которая в отличие от естествознания опирается на правила и методы науки понимания, ее способов верификации знания (позднее также как метадисциплина для объяснения мира и бытия, *Lebenswelt-Hermeneutik* или *Existenz-Hermeneutik*). 3. Герменевтика как универсальная философия интерпретации.

Герменевтическая деконструкция таких ключевых понятий, как канон, текст, автор, значение, смысл, понимание, толкование, интерпретация, хотя и проникла в библейскую экзегезу, но не получила до сих пор целостного методологического описания и применения. Вместе с тем, в многочисленных исследованиях герменевтической направленности Библия рассматривается как конгломерат текстов, текст, супертекст, гипертекст, глобальный текст, многослойный текст, многоуровневый текст, метатекст, макро- и микротекст, интертекст, интратекст, претекст, прецедентный текст и др. В целом эти подходы свидетельствуют о незакрытости библейского текста, его способности к продолжению, которая открывается не в простой рецепции библейского текста, а в его интерактивном взаимодействии с пользователем, в рождении новых смыслов, в изменении, расширении и новой организации.

Деканонизация и гипертекстуализация текста ведет к стиранию границ между «Библией» и «интерпретацией Библии».

Если говорить об использовании герменевтических методов интерпретации текста, то следует отметить, что, кроме Священного Писания, они редко применяются в отношении вторичных религиозных текстов (проповеди, богослужебных текстов, духовных поучений и т. п.), значительное влияние герменевтика оказывает на изучение художественного, в частности, поэтического, текста. В этом случае она рассматривается и как учение о поэтическом познании, и как художественно-научный метод толкования и понимания поэзии.

Г. И. Богин и проблематика интегративной лингвистики

А. В. Пузырев

(Покровский филиал Московского педагогического
государственного университета, г. Покров)

Я неоднократно общался с Г. И. Богиным в качестве участника научных конференций, проводившихся Ростовским государственным университетом, а также в качестве организатора всесоюзного совещания «Художественный текст: Проблемы изучения» (Пенза, 1990). Он неоднократно приглашал меня приехать и принять участие в ежегодной тверской конференции «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании», но в Тверь я впервые приехал уже на «Богинские чтения», посвящённые памяти учёного (если не ошибаюсь, в октябре 2002 г.).

В 1990 г. он поразил меня (и, думаю, не только меня одного) тем, что ему — докладчику на совещании в Пензе — мы с А. П. Чудиновым как сопредседатели заседания дважды, по настоянию присутствовавшей научной общественности, продлевали регламент, поскольку в отведённые каждому докладчику семь минут Георгий Исаевич явно не укладывался. Это факт был поэтически зафиксирован проф. Н. А. Купиной в её речи перед расставанием:

...Что ж, компрессия была предельно плотной:

Уложись, хоть тресни, в 7 минут.

Лихорадочно, трясясь, рукою потной

резали примеры там и тут.

Был спокоен лишь один профессор Богин:

Он плевал на строгий регламент.

Богин — он владел секретом слога.

Богин и регламент — это нет!..

Причиной такого «эксклюзивного» продления регламента Георгию Исаевичу послужил огромный интерес коллег к его суждениям о трёх «поясах мыследеятельности» на материале гермевтического разбора конкретного стихотворного текста.

В начале девяностых годов XXв. я только начинал разрабатывать лингвистический вариант субстратной методологии. Он сейчас выглядит как жёсткая исследовательская схема, в рамках которой выделяются пять ступеней сущности Языка и языковых средств и пять целевых подсистем (наиболее полно эта методология изложена в нашей монографии «О системном подходе в лингвистике» — М., 2014).

Сегодня мне понятно, что субстратная методология является структурно-логическим ядром интегративной лингвистики (табл. 1). Под интегративным подходом в лингвистике нами понимается, с одной стороны, предельно широкий и, одновременно, внутренне организованный подход к Языку и языковым явлениям. Такой подход предполагает выделение в Языке и языковых

средствах, одной стороны, пять ступеней сущности: мышление — язык в собственном смысле этого слова — психофизиология — речь — общение. С другой стороны, каждая из этих ступеней сущности Языка рассматривается в пяти целевых подсистемах, которым соответствуют генетический, логико-структурный, динамический, функциональный и идиостилевой аспекты:

Табл. 1

	Генетич. аспект	Логич. аспект	Динамич. аспект	Функц. аспект	Идиостилевой аспект
Мышление	1	5	4	3	2
Язык	6	7	8	9	10
Психофизиология	15	14	13	12	11
Речь	19	16	17	18	20
Общение	24	21	23	22	25

В рамках использования интегративного подхода к Языку естественно признать огромное значение герменевтических исканий Г. И. Богина, занимающих достойное место в метаязыковых исследованиях, посвящённых мышлению как языковому (и метаязыковому в частности), так и неязыковому, где языковые структуры только возникают.

Динамика исследований понимания по данным «Google Books Ngram Viewer»

Е. В. Пупынина, О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород)

Целью данного исследования является анализ литературы, посвященной пониманию, с привлечением количественных данных. В качестве средства используется сервис Google Books Ngram Viewer — инструмент, позволяющий получать графики встречаемости n-грамм (последовательностей языковых единиц) в разные периоды времени на материале базы данных Google Books. Корпус книг на русском языке 2012 г. содержит 591 310 книг.

В ходе исследования были построены графики для различных монограмм и биграмм: «понимание», «феномен понимания», «концепция понимания», «теории понимания» и др. Однако анализ контекстов их употребления выявил большое количество нерелевантных употреблений. Наиболее значимые результаты были получены для сочетания «исследование понимания», взятого в качестве единицы анализа. При поиске учитывались все формы словоизменительной парадигмы первого слова.

Полученный график демонстрирует скачкообразный рост встречаемости исследуемого сочетания в корпусе книг. Первое упоминание приходится на 30-е годы XX в., после 1975 г. на-

блюдается устойчивый рост с двумя пиковыми значениями — в 1986 г. и 2002 г.

Первое упоминание сочетания в корпусе зафиксировано в журнале «Советская психотехника» 1932 г. в названии одного из докладов на X Международном конгрессе по психологии: «Исследование общей одаренности и так называемое исследование понимания». Слова «так называемое», предваряющие сочетание «исследование понимания», могут свидетельствовать о новизне его употребления.

Подробный анализ источников по периодам позволяет выявить наиболее характерные области и контексты употребления исследуемой фразы. Так, период с начала до середины XX в. включает преимущественно работы по психологии и в меньшем количестве по философии, педагогике и исследованию нарушений понимания у больных. Субъектом понимания является человек (дети, учащиеся, читатели, больные), объектами — вербальные фрагменты (тексты, сказка, рассказ, значения слов, вербально выраженные абстракции, объяснения), логические отношения (физическая причинность, причинные зависимости), наглядные формы представления явлений (картины).

Анализ периода с середины до конца XX в. показывает существенное расширение спектра наук, которые интересуются исследованием понимания, включая те, которые образованы на стыке (филология, герменевтика, биология, медицина, искусственный интеллект, нейропсихология, нейролингвистика, техническая

эстетика, бионика, психопэтика). Наблюдается разнообразие объектов, формируемое за счет, с одной стороны, конкретизации (понимание метафор, неологизмов, слов неоднозначной семантики), с другой стороны, обобщения (понимание речевых сообщений, текста, языка), а также выхода за границы осмысления языковых образований (понимание массовых информационных процессов, исторических событий, человеческих действий). В фокусе внимания находятся методы, методики, приемы, экспериментальные исследования понимания. Ставятся проблемы определения понимания, растет разнообразие его трактовок.

Анализ работ первого десятилетия 2000-х гг. демонстрирует усиление внимания к субъекту понимания, влияющим на него факторам и условиям (ключевыми словами в контекстах становятся «личность», «рефлексия», «культура», «гендерные различия»), а также показывает существенную разработанность самого понятия понимания (типы / техники / способы / стратегии / условия понимания).

Таким образом, несмотря на имеющиеся ограничения, количественный анализ с помощью инструмента Google Books Ngram Viewer в сочетании с качественным анализом литературы по проблемам понимания позволяет проследить развитие исследований в данной области.

**Моделирование смыслов художественного произведения
средствами теории совокупностей
на примере рассказа В. М. Шукшина «Крепкий мужик»**

К. А. Пшеничный (Университет ИТМО, Санкт-Петербург)

Экспликация смыслов в текстах художественных произведений может рассматриваться как основная задача герменевтики. Согласно Г. И. Богину, этот процесс осуществляется в трёх поясах в системе человеческой мыследеятельности (СМД): поясе нижнего уровня мД (мыследействования) — репрезентации опыта бытия в мире предметных представлений, поясе следующего уровня М—К (коммуникативной действительности) и поясе высшего уровня М (действительности чистого мышления).

Ввиду чрезвычайно высокой сложности смыслов художественных произведений и субъективности их восприятия принято считать, что их поиск и извлечение не могут быть эффективно формализованы. Действительно, существующие семантические технологии, основанные на двух взаимосвязанных формализмах — логике и теории множеств — применяются для анализа технических, научных или несложных публицистических текстов, а также текстов рекламного характера и высказываний в Интернете. Кроме того, они разработаны на основе английского языка и ориентированы главным образом на тексты на нём и на близких к нему (германских, в меньшей степени романских) языках. Методы

структурной лингвистики (см., например, [2]) избегают понятия смысла, концентрируясь на формальных признаках текста как последовательности последовательностей знаков. Теория «смысл-текст» [1], напротив, отталкивается именно от смысла, но недостаточно формализована сама.

В последние годы автором была предложена новая логико-математическая теория — теория совокупностей). Она оперирует объектами типа «обозначенный смысл», «обозначенная бессмыслица» (семантическая или синтаксическая) и «наполнение», вместе образующими совокупности, или наполненные обозначенные смыслы. Обозначенный смысл можно трактовать в терминах логики как объект, представляющий собой отдельно взятое содержание (концепт, интенционал) понятия и выражение для него в том или ином языке. Различают смыслы вещей (предметы или события) и смыслы признаков или отношений (приметы).

В терминах теории совокупностей был интерпретирован фрагмент герменевтического исследования О. В. Шахин, посвящённого поиску смыслов в рассказе В. М. Шукшина «Крепкий мужик». Конкретно, был моделирован выделенный О. В. Шахин смысл-предмет «Разбрасывание, опустошение, разорение» и основные связанные с ним смыслы — предметы, приметы и образуемые их пересечением события, а также сопутствующие синтаксические бессмыслицы. При этом концепция Г. И. Богина была несколько модифицирована: пояса М, М—К и Мд рассматривались скорее как перекрывающиеся слои, формально выражаемые приметами,

при этом примета М выступала как универсум для исследуемого смысла.

В результате была получена визуализированная концептуализация данного смысла и его окружения в графической нотации в теории совокупностей, называемая *предметкой*, а также формальная запись соответствующего контекста, позволяющая выявлять смыслы, не выраженные напрямую в тексте, с помощью аппарата *новорооссийской логики*.

В дальнейшем данный формализованный контекст можно расширять до всего произведения, строить альтернативные контексты, выражающие субъективное понимание одного и того же произведения, объединять их, а также распространять предметку на другие произведения русской литературы и иные тексты и высказывания — и тем самым формировать смысловую ткань современного русского бытия.

Литература

1. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\langle \Rightarrow \rangle$ Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 370 с.
2. Лекомцев Ю. К. Введение в формальный язык лингвистики. М.: Наука, 1983. 264 с.

Языковое сознание и языковое бессознательное в структуре понимания

В. А. Садикова

(Московский государственный институт культуры, г. Тверь)

«Человек живет в мире смыслов, и чтение художественной литературы есть контакт смыслового мира читателя со смысловыми мирами писателей <…>. Смыслом же называется та конфигурация связей и отношений между множеством компонентов ситуации (ситуации мыследеятельностной и ситуации коммуникативной), восстанавливая которую или создавая которую, реципиент понимает текст» [2: 147].

Г. И. Богин говорит о понимании художественного текста, закономерно предпочитая смысл содержанию. И в повседневном общении «человек живет в мире смыслов» и, общаясь, воспринимает и/или порождает его. Однако при этом *текст как результат* общения уходит на второй план: он всегда промежуточен, может быть отменен или продолжен, а смысл может быть выражен не словами, а жестами, движениями, мимикой и пр. Но *смысл* — это всегда «та конфигурация связей и отношений между множеством компонентов ситуации (ситуации мыследеятельностной и ситуации коммуникативной)», которая создается в процессе общения.

Г. И. Богин говорит о понимании художественного текста, закономерно предпочитая (даже противопоставляя) *смысл* содер-

жанию, которое складывается из предикаций, навязываемых читателю/слушателю, не оставляющих места для творческого *процесса* чтения, что делает невозможным создание собственного *целостного* понимания прочитанного. В естественном *процессе* общения понимание (взаимопонимание взаимодействующих личностей, которые по определению целостны) еще актуальней.

Рассматривая *явное* и *неявное* в смыслообразовании, вероятно, можно говорить не только о *языковом сознании*, но и о *языковом бессознательном*, которые в языке взаимодействуют. Естественно предположить, что «предшествующим» языку является когнитивный процесс, связанный с осознанием, т. е. с *приобретением языкового сознания посредством языковой способности*. Мы полагаем, что рассматривая в том или ином ракурсе *языковую способность*, говорят о *языковом бессознательном*.

До языка детьми осваивается субстанциональное «пространство» языка: ИМЕНА вещей и людей, ПРИЧИНЫ и СЛЕДСТВИЯ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), ПРИЗНАКИ и КАЧЕСТВА вещей, СРАВНЕНИЕ их, ДЕЙСТВИЯ, связанные с вещами и людьми, СВИДЕТЕЛЬСТВА, т. е. мнения людей, часто ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ, ПРИМЕРЫ и т. д.

«...нужно выйти за пределы лабораторий и обратиться к изучению поведения личности в реальных жизненных ситуациях» [1: 155]. Для этого нужна *другая* методология. Мы видим ее в ментально-языковой топологии, основанной на топике, понимаемой

как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла [3: 2017].

Е. Клапаред еще в 1917 г. пишет: «Вопросы, которые можно задавать себе, бесконечны; их так же много, как и различных затруднений, возникающих при желании на них ответить. И вопрос о том, могут ли они быть сгруппированы по известным рубрикам, представляет лишь второстепенный интерес. Интереснее спросить себя: каково *биологическое* происхождение этих различных категорий вопросов? *Как индивид пришел к тому, что спрашивает о причине, цели, месте и т. д.? Эта проблема происхождения сводится к тому, чтобы узнать, как мало-помалу индивид стал интересоваться причиной, целью, местом и т. д. Мы вправе думать, что интерес к этим категориям возник только тогда, когда оказалось невозможным осуществить действие в отношении одной из них. Потребность создает сознание, а сознание причины (или цели, места и т. д.) блеснет в уме лишь тогда, когда человек испытает потребность прикоснуться в отношении причины (или цели и т. д.)*». [4: 362. Выделено мной. — В. С.]

Топика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла позволяет исследовать «разговор» не в типовых, а в **любых** ситуациях, как *процесс* общения, т.е. анализировать не содержание, а *смысл* общения. Языковое бессознательное — это ментально-языковая топология, с которой на-

чинается общение с миром и без которой невозможно ни понимание мира, ни овладение языком.

Литература

1. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М. : Смысл, 2002. 480 с.
2. Богин Г. И. Явное и неявное смыслообразование при культурной рецепции текста // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург: «Арго», 1997. С. 146–164.
3. Садикова В. А. Топика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла: монография. Тверь: изд-во ТвГУ, 2017. 163 с.
4. Claparede Ed. La psychologie de l'intelligence // Scientia. 1917. № 11 (22). Pp. 353—357.

Об интерпретирующем комментировании смыслов культуры в художественном тексте

И. В. Соловьёва

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

В докладе рассматриваются варианты освоения читателем содержаний и смыслов культурологических явлений, упоминаемых автором в художественном тексте. Обсуждаются особенности построения лингвокультурологического комментария.

Ключевые слова: текст, культура, понимание, интерпретация.

1. Понимание художественного текста предстаёт в разных ипостасях в гуманитарных дисциплинах, вовлекающих в поле своих исследований человеческую субъективность. Г. И. Богин [1 и др.] обосновал положение о том, что распредмечивающее понимание, которое часто сочетается с семантизирующим и когнитивным пониманием или с их неререфлективными аналогами, может быть обращено как на тексты оригинальных художественных произведений, так и на произведения разговорной речи как особой подсистемы в системе языка. Неререфлективные аналоги семантизирующего и когнитивного понимания имеют характер процессов незатруднённого смыслового восприятия текста.

2. Характер когнитивной или интерпретативной деятельности читателя определяется объёмом и ролью национально-специфич-

ной и культурно-ценностной информации, которую он постигает при обращении к тексту, когда тот развёртывает перед ним текстовое пространство, созданное автором. Особый интерес представляют варианты освоения читателем содержаний и смыслов, данных автором в тексте непрямо.

3. Поскольку текст культуры обладает характеристикой взаимообусловленности трёх компонентов — формы, содержания и смысла, трансляция смыслов культуры как инвариантов идеальных структур мышления возможна лишь при наличии опоры на устойчивые совокупности формальных и содержательных характеристик текста как формы, опредмечивающей смысл.

4. Преодоление культурно-исторической дистанции путем интерпретации обеспечивает восполнение лакун в опыте читателя как на уровне структур содержания текста, осваиваемого реципиентом, так и на уровне смысла.

5. Лингвокультурное комментирование как метатекст имеет ту особенность, что текст комментария может выходить за пределы поясняемого явления и, в результате, быть содержательно отдален от сюжета комментируемого текста, но расширять его фабулу (подробнее в [2]). Тем не менее, интерпретирующее пояснение феноменов и смыслов культуры, опредмеченных средствами художественного текста, необходимо, поскольку наличие той или иной лакуны может иметь блокирующий характер в текущей герменевтической ситуации и на уровне содержания препятствовать выходу читателя к системе авторских смыслов.

Литература

1. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 731 с.
2. Соловьёва И. В. Культурологический комментарий как инструмент преодоления культурной дистанции // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 169—174.

Жанр в аспекте языковой личности

В. А. Тырыгина (Нижегородский государственный лингвистический университет, г. Нижний Новгород)

В последние три-четыре десятилетия в лингвистической литературе активно используется термин «жанр», экстраполированный из области теории литературы в область лингвистики. Под влиянием различных лингвистических направлений он осмысливается различным образом. В антропоцентрически-ориентированной лингвистике, которая в противовес системоцентрическому описанию языка помещает в центр исследования языковую личность, исходя из постулата о том, что человек — модус существования языка, жанр предстает в новом свете. Жанр можно рассматривать как неотъемлемое звено в иерархической структуре уровней владения языковой личности языковым знанием (уровни правильности, интериоризации, насыщенности, адекватного синтеза, адекватного выбора). В ходе своего становления языковая личность «врастает» в систему жанровых норм, в свою очередь эта система «врастает» в сознание говорящего по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной, жанровой компетенции, влияя на характер его дискурсивного мышления. Такой подход к пониманию жанра в исследовательском плане представляется весьма перспективным.

Взаимопонимание в учебных условиях: способы его достижения и причины отсутствия

Л. А. Цыбан

(Тверской государственной университет, г. Тверь)

Достижение взаимопонимания между собеседниками зачастую является даже более сложным процессом, чем понимание текста автором читателем. В межличностной коммуникации важнейшую роль играют, казалось бы, мельчайшие детали.

Существует множество предпосылок некорректного понимания людьми друг друга, а также искаженного восприятия и толкования смысла речи и поступков окружающих.

Непонимание также может возникнуть, например, по причине использования разных диалектов одного и того же языка. Но часто непонимание возникает и между людьми, говорящими и думающими на одном и том же языке.

Если говорить о понимании в учебных условиях, то здесь оно осуществляется в рамках системы как «субъект — объект», так и в пределах системы «субъект — субъект».

На процесс понимания речи влияет множество факторов, о которых преподавателю следует помнить: возраст, социальное положение, профессия, культурные и языковые особенности учащихся.

Со стороны же преподавателя важнейшим аспектом деятельности является проявление уважения к слушателям, их точке зрения и высказываниям.

Система техник понимания Г. И. Богина

С. В. Чебанов

(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393 «Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики».

Одним из направлений многолетней деятельности Г. И. Богина было коллекционирование техник понимания, итогом чего является создание системы техник понимания. Последняя описана Г. И. Богиным в нескольких вариантах. Последние варианты содержат 105 техник (список не закрыт; так можно добавить такую технику, как рассматривание портрета автора), разбитых на 6 групп. По утверждению Г. И. Богина, одновременное использование 1—2—3 (по разному в разных версиях) техник из каждой группы даёт удовлетворительное понимание текста. Характер описания отдельных техник и их групп, как и именование групп, несколько различаются в разных версиях. В ряде публикаций приводятся фрагменты системы техник понимания, которые тоже вносят дополнительные оттенки в понимание сути отдельных техник.

При разработанности Г. И. Богиным системы техник понимания, сфера их использования не в полной мере эксплицирована (так, неясно, можно ли использовать представление об этих техниках при рассмотрении понимания в биосемиотических процессах, таких как функционирование генома, нейротрансмиттеров, иммунных систем и т. д., или в семиотике техники, например, интерпретационных процессов в функционировании компьютеров).

**Альтернативный мир поэтического цикла:
понимание и интерпретация**

И. П. Черкасова

(Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир)

В рамках современной антропоцентрической лингвистики главным становится вопрос о понимании, затрагивающий самые разные области человеческого бытия. В этой связи с каждым годом возрастает значимость идей Г. И. Богина. «Институирующая черта языковой личности — владение языком — есть единственное средство переноса действия в умственный план, необходимая гарантия продвижения человека по пути саморегуляции поведения, основная форма организации психической жизни человека», — писал Г. И. Богин. В наш век интенсивного развития международных связей и технического прогресса особую роль приобретают слова ученого о важности рефлексии в процессе взаимодействия людей с целью понимания: Г. И. Богиным выделены три вида рефлексии: 1) рефлексия над опытом памяти при семантизирующем понимании; 2) рефлексия над опытом знания при когнитивном понимании; 3) рефлексия над опытом значащих переживаний при распредемчивающем понимании [2]. Вопросы понимания глубоко исследованы Г. И. Богиним [2—8 и др.]

Пространство художественного текста выступает в данной связи наиболее сложным и многоуровневым. Согласно мнению ученого, «лишь для читателя, ориентированного на то, что надо «что-то иметь за душой», что надо мобилизовать всё возвышенное в собственной субъективности, коль скоро ты берёшься за серьёзный текст, открывается целостность гениального произведения» [6: 12]. Реципиент в процессе чтения строит собственный художественный мир. Смыслы, по мнению цитируемого автора, существуют только в рефлексии, в коммуникации человека с текстом, переживаются в душе реципиента [6: 15].

Художественные тексты относятся к аксиологическим текстам, воздействие которых направлено на эмоциональную сферу сознания [1: 86]. Возрождение идеалов, духовные ценности — основополагающие понятия, определяющие существование художественных текстов и человечества в целом. Особое место занимает поэтический текст, представляющий собой сложный многогранный структурно-содержательный феномен. Поэтические тексты являют собой структурно-семантические образования, смысловой мир которых представляется открытым и неисчерпаемым. В этой связи хотелось бы обратиться к поэтическому циклу, выступающему как структурно-смысловое образование, в рамках которого автор строит свой художественный (альтернативный) мир [9: 165] и реализует индивидуальную аксиологическую систему. Циклизация, согласно мнению И. В. Фоменко, базируется на системных отношениях, существующих внутри текста [10].

Попытаемся в общих чертах рассмотреть авторские концептосферы, получающие репрезентацию в поэтических циклах Р. М. Рильке. Творчество этого автора представляет для нас интерес в связи с его особым отношением к России: „Zu den wenigen unbestrittenen Aspekten seines Lebens gehört die Liebe zu Russland, die auch sein Schaffen prägte“. [11: 1].

Проникнуть в «тайную архитектуру» поэтического цикла, представленную в «Книге образов» Р. М. Рильке, помогает частотный словарь, который показал, что наибольшей частотностью в тексте «Книги образов» Р. М. Рильке обладают следующие существительные: *Engel, Ding, Einsamkeit, Hand, Himmel, Leben, Gott, Geliebte, Welt*.

Первые строки стихотворения *Eingang* открывают читателю цель создания цикла — понять суть человека и человеческого бытия. В этом же стихотворении определяется вертикальная структура мироздания, реализованного в данном цикле: *Himmel* (небо) и *Welt* (мир). Между ними — *Baum* (дерево), вросшее корнями в землю, но стремящееся к небу.

Baum — это позиция человека (*ich — du — wir*), рождённого на земле, но вечно стремящегося к Богу. „*Du aber bist der Baum*“, — многократно повторяет «ангел» в стихотворении «*Verkündigung*».

Дихотомия *Himmel — Welt* определяет позиции остальных художественных концептов цикла: *Himmel: Gott, Engel; Welt:*

Engel, Leben, Geliebte, Ding. Einsamkeit u Hand — объединяющие начала.

Himmel (небо) — мир, непостижимый для человека, это *selig lichtiges Blau, immer reinere Wolken, alle Weiss u jenes dünne, grosse Grau*.

Gott (бог) — абсолютное совершенство, стоящее над миром, над небом.

Engel (ангел) — это философская категория, наполняющаяся разным содержанием в контекстах. Это во многом превосходящее человека существо, наделённое высшей духовностью, проводник человека в мир *Himmel*. Это одновременно и небожитель, исполняющий волю бога, и ангел-хранитель, оберегающий человека в его земной жизни и повседневных делах.

Welt (мир) бесконечен, в нём — жизнь и смерть, любовь и ненависть, божественность творения и творческая сила человеческих рук.

Leben (жизнь) — открывается в антитезе «жизнь» — «камень». Жизнь — это мечты и чувства, это *rauschendes Blut* и наслаждение великолепием мира, и потребность любви.

Geliebte (возлюбленная) — чувства должны быть реализованы. Лирический герой обращается к возлюбленной, открывая своё чувство и желание любить и быть любимым.

Ding (вещь) — особое понятие в концепции Рильке. Это одухотворённая суть, способная оценить значимость или бесполезность человеческого бытия. Являясь творением человека, вещь на

века сохраняет память о нём, видит и понимает всё, что происходит в мире людей.

Hand (рука) — вектор потребности, стремления, символ взаимосвязи и взаимозависимости в мире *Dasein*, а также символ взаимного притяжения между пространствами *Welt* и *Himmel*:

Einsamkeit (одиночество, уединение) — нить, связывающая человеческий мир с миром трансцендентного, сила, осуществляющая непрерывающийся круговорот *Himmel* — *Welt*:

Вопросы о месте человека в пространстве *Himmel* — *Welt* так и остаются без ответа. Есть надежда на то, что наше существование значимо для кого-то, *vielleicht*:

„Vielleicht sind wir oben,
in Himmel anderer Wesen eingewoben,
die zu uns aufschauen abends. Vielleicht loben
uns ihre Dichter. Vielleicht beten viele
zu uns empor“.

Таким образом, мы можем утверждать, что художественная концептосфера действительно является смысловой основой поэтического мира. Несмотря на тот факт, что процесс понимания глубоко субъективен, множество интерпретаций и интерпретирующих смыслов непосредственно связано с индивидуальными особенностями читателей и исследователей, с уровнем их развития, с горизонтом их рефлексивной реальности, самое существенное в человеческом обществе оказывается разделенным между читающим текст индивидом и остальными членами исторически сложившегося

общества [7], интерпретация художественных концептов в герменевтическом ключе ведет к пониманию индивидуально-авторского альтернативного реальному художественного мира.

Литература

1. Баранов А. Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. Краснодар: Просвещение — Юг, 2008. 188 с.
2. Богин Г. И. Герменевтический круг как техника понимания текста // Текст: структура и анализ. М., 1989. С. 18—30.
3. Богин Г. И. Жанростановление как условие разумного чтения // Понимание менталитета и текста. Тверь: ТГУ, 1995. С. 106—108.
4. Богин Г. И. Интенциональность как средство выведения к смысловым мирам // Понимание и интерпретация текста. Тверь: ТГУ, 1994. С. 8—18.
5. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.
6. Богин Г. И. Субстанциальная сторона понимания. Тверь: ТГУ, 1993. 138 с.
7. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 87 с.
8. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин: КГУ, 1982. 86 с.
9. Литвинов В. П. Работа логоса. Пятигорск: ПГФА, 2007. 177 с.

10. Фоменко И. В. Практическая поэтика. М.: Академия, 2006. 192 с.
11. Schneider M., Kropp W. Rainer Maria Rilke. Deutsch. 2001. № 1 (23). S. 1.

Организационный комитет конференции

Л. Н. Скаковская, доктор филологических наук, профессор, и. о. ректора Тверского государственного университета (председатель оргкомитета).

И. Д. Лельчицкий, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Тверского государственного университета.

Л. М. Сапожникова, кандидат филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета.

Линь Цзиньфэн, доцент Ланчжоуского политехнического университета.

Е. С. Никитина, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук.

И. Дворкин, руководитель образовательных проектов Центра Чейза, Еврейский университет в Иерусалиме.

Н. Ф. Крюкова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка Тверского государственного университета.

С. В. Чебанов, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

С. А. Колосов, кандидат филологических наук, зам. декана факультета факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета по научной работе и информатизации.

М. В. Оборина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета.

Сведения об участниках конференции

Александрова Елена Владиславовна <aevea@mail.ru> — Мурманский арктический государственный университет, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук.

Артёмова Светлана Юрьевна <svart1@yandex.ru> — Тверской государственный университет, доцент кафедры истории и теории литературы, кандидат филологических наук, доцент.

Афинская Зоя Николаевна <afin-zn@mail.ru> — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения, доцент кафедры французского языка и культуры, кандидат филологических наук, доцент.

Бабаева Юлия Андреевна <jab711@yandex.ru> — Тверской государственный университет, магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации.

Бородина Анна Владимировна <juristka80@mail.ru> — Тверской государственный университет, аспирант кафедры теории языка и перевода; Институт экономики и управления, старший преподаватель кафедры экономики предприятия и менеджмента.

Бушев Александр Борисович <alex.bouchev@yandex.ru> — Тверской государственный университет, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, доктор филологических наук, профессор.

Васильев Лев Геннадьевич <argumentation@mail.ru> — Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков, доктор филологических наук, профессор.

Ventalon Geoffrey <ventalongeoffrey@yahoo.fr> – Laboratoire EA 4004 « Cognitions Humaine et Artificielle » CHArt – Université Paris 8.

Гимаева Алия Джалилевна <aliagimaeva2704@gmail.com> — Ульяновский государственный университет, преподаватель кафедры лингвострановедения и коммуникации.

Голигузова Ольга Альбертовна <goliguzova_o@mail.ru> — аспирант Института языкознания РАН.

Голикова Александра Сергеевна <g_a_s777@mail.ru> — Тверской государственный университет, аспирант кафедры теории языка и перевода.

Гордашникова Диана Сергеевна <deni4ka12345@mail.ru> — Тверской государственный университет, аспирант кафедры английского языка.

Дворкин Илья Саулович <idvorkin@mail.ru> — Hebrew University of Jerusalem, руководитель образовательных проектов Центра преподавания еврейской цивилизации.

Загуменнов Александр Владимирович <zaw1991@mail.ru> — Вологодский строительный колледж, преподаватель, кандидат филологических наук.

Загуменкина Валентина Сергеевна <Valentina_Z_87@list.ru> — Тверской филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, кандидат филологических наук.

Золотова Наталия Октябревна <saporovskaya@mail.ru> — Тверской государственный университет, заведующая кафедрой теории языка и перевода, доктор филологических наук, доцент.

Зубкова Марина Анатольевна <mary.zubkova2013@yandex.ru> — Тверской государственный университет, аспирант кафедры английского языка.

Исакова Елена Михайловна <e.m.isakova@mail.ru> — Тверской государственный университет, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук.

Колосова Полина Алексеевна <kolosova_polina@mail.ru> — Тверской государственный университет, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук.

Коновалихина Ксения Викторовна <KonovalikhinaKV@tksu.ru> — Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, старший преподаватель.

Коробчак Вера Накиповна <verakorobchak@mail.ru> — Армавирский государственный педагогический университет, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, кандидат филологических наук.

Красоткин Дмитрий Михайлович <Dmitij.krasotkin@yandex.ru> — Тверской государственный университет, магистрант филологического факультета.

Крюкова Наталия Федоровна <nakrukova@mail.ru> — Тверской государственный университет, заведующая кафедрой английского языка, доктор филологических наук, профессор.

Лебедев Владимир Юрьевич <lebedevvu@yandex.ru> — Тверской государственный университет, профессор кафедры социологии, доктор философских наук, профессор.

Линь Цзиньфэн <linjinfeng1990@163.com> — Ланчжоуский политехнический институт, доцент, кандидат филологических наук.

Львова Юлия Анатольевна <julilvova@gmail.com> — Тверской государственный университет, доцент кафедры регионоведения, кандидат филологических наук.

Мартюшева Маргарита Александровна <margarita_martyusheva@mail.ru> — Тверской государственный университет, аспирант кафедры теории языка и перевода.

Масленикова Евгения Михайловна <e-maslennikova@inbox.ru> — Тверской государственный университет, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук, доцент.

Никитина Елена Сергеевна <m1253076@yandex.ru> — Институт языкознания Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук, доцент.

Новикова Дина Яковлевна <novdin@mail.ru> — Тверской государственный университет, доцент кафедры теории языка и перевода, кандидат филологических наук, доцент.

Оборина Марина Владимировна <mobor@mail.ru> — Тверской государственный университет, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук.

Отставнов Максим Евгеньевич <maksim@otstavnov.com> — ‘патафизик, <http://www.otstavnov.com>.

Пигаркина Евгения Анатольевна <pjane@inbox.ru> — Тверской государственный университет, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук.

Плисов Евгений Владимирович <e_plissov@mail.ru> — Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, заведующий кафедрой теории и практики иностранных языков и лингводидактики, доктор филологических наук, доцент.

Пузырев Александр Владимирович <puzyrev-a-v@yandex.ru> — Псковский филиал Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин, кандидат психологических наук, доктор филологических наук, профессор.

Пупынина Елена Владимировна <pupyнина@bsu.edu.ru> — Белгородский государственный национальный исследовательский университет, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент.

Пшеничный Кирилл Анатольевич <cpshenichny@yandex.ru> — Университет информационных технологий, механики и оптики, доцент, кандидат геолого-минералогических наук.

Садикова Валентина Алексеевна <vsadnik46@mail.ru> — Московский государственный институт культуры, доцент кафедры лингвистики, кандидат филологических наук.

Соловьева Ирина Валерьевна <irageger@gmail.com> — Тверской государственный университет, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук, доцент.

Тырыгина Валентина Алексеевна <paraval@yandex.ru> — Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, профессор кафедры английской филологии, доктор филологических наук, доцент.

Цыбан Любовь Александровна <lyubov-shch@yandex.ru> — Публичное акционерное общество «Аэрофлот», переводчик 1 категории; Тверской государственный университет, аспирант кафедры английского языка.

Чебанов Сергей Викторович <s.chebanov@gmail.com> — Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры математической лингвистики, доктор филологических наук.

Черкасова Инна Петровна <Inna_cherkasova@mail.ru> — Армавирский государственный педагогический университет, заведующая кафедрой иностранных языков и методики их преподавания, доктор филологических наук, доцент.

Оглавление

Е. В. Александрова. Современные методы исследования в аудиовизуальном переводе: путь к пониманию.....	3
С. Ю. Артёмова. Жанровое чтение как способ понимания текста (элегии А. Парщикова, Б. Попова, Г. Газизуллина, Е. Вербина).....	6
З. Н. Афинская. Французский элемент русского мира (по произведениям И. С. Шмелева).....	9
Ю. А. Бабаева. Особенности передачи межъязыковой игры слов...	12
А. В. Бородина. Юридическая и филологическая герменевтика: «конфликт интерпретаций»?.....	15
А. Б. Бушев. Художественность в повседневной речи и ее олитературивание.....	20
Л. Г. Васильев. Трактовки понимания: к оптимизации учебных дисциплин магистрата.....	24
Geoffrey Ventalon. Generating metaphors and the genre of the image..	28
А. Д. Гимаева. Эволюция переводческой рефлексии в переводах романа Р. Киплинга «Ким» (на материале звуковых проделений)....	30
О. А. Голигузова. Концепто-ориентированный подход к формированию билингвального лексикона как синтез современных представлений о соотношении концепта и значения.....	33
А. С. Голикова. Разница между официально-деловым стилем в арабском и русском языках как переводческая проблема.....	36

Д. С. Гордашникова. Морфолого-синтаксический эрратив как художественный приём создания речевого портрета (на материале романа Д. Киза «Цветы для Эджернона»).....	38
Илья Дворкин. Герменевтика диалога в свете спора Аристотеля с софистами.....	41
В. С. Загуменкина. Использование текстов переходного типа между когнитивным и распредмечивающим пониманием в прикладных целях.....	43
А. В. Загуменнов. О «слоях» ментальности в свете герменевтических разработок Г. И. Богина в синхронии и диахронии.....	45
Н. О. Золотова. Некоторые аспекты изучения рефлексивного сознания в психолингвистике.....	48
М. А. Зубкова. Возможности построения факторных моделей в терминоведении.....	52
Е. М. Исакова. Методика четырехмерного метафорического моделирования.....	59
П. А. Колосова. Повторные переводы художественной литературы и читательская оценка: а судьи кто? (на материале переводов А. Грызуновой и М. Немцова).....	61
К. В. Коновалихина. К интерпретации концептуального поля.....	64
В. Н. Коробчак. Структурно-семантическая организация концепта «художник» в художественном дискурсе С. Моэма.....	67
Д. М. Красоткин. Многозначность как следствие смещения речевых жанров в сказовой прозе.....	72

Н. Ф. Крюкова. К вопросу о работе над концептуальным словарём тверской герменевтической школы.....	75
В. Ю. Лебедев. Десоматизация и перспективы философско-антропологических проектов.....	78
Линь Цзиньфэн, С. В. Чебанов. Образы человека в китайских и русских пословицах (на основании статистики концептов).....	80
Ю. А. Львова. Понятие «языковая личность» в исследованиях Г. И. Богина.....	83
М. А. Мартюшева. Сравнение в переводе литературно-художественного текста как средство активизации рефлексии (на примере текста А. Сапковского «Последнее желание»).....	86
Е. М. Масленникова. Открытость и незавершённость текста: субъективное проживание читателем.....	90
Е. С. Никитина. Рефлексия и понимание в обучении.....	93
Д. Я. Новикова. Педагогический аспект интерпретации художественного текста.....	97
М. В. Оборина. Языковая личность в лингводидактике Г. И. Богина как инструмент исследования понимания.....	102
М. В. Оборина, М. Е. Отставнов. Понимание в Московском методологическом кружке.....	104
Е. А. Пигаркина. Необходимость понимания в эпоху ускользания смыслов.....	108
Е. В. Плисов. Основные герменевтические подходы к изучению религиозных текстов в современной германистике.....	111
А. В. Пузырев. Г. И. Богин и проблематика интегративной лингвистики.....	114

Е. В. Пупынина, О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай. Динамика исследований понимания по данным «Google Books Ngram Viewer»	117
К. А. Пшеничный. Моделирование смыслов художественного произведения средствами теории совокупностей на примере рассказа В. М. Шукшина «Крепкий мужик».....	120
В. А. Садикова. Языковое сознание и языковое бессознательное в структуре понимания.....	123
И. В. Соловьёва. Об интерпретирующем комментировании смыслов культуры в художественном тексте.....	127
В. А. Тырыгина. Жанр в аспекте языковой личности.....	130
Л. А. Цыбан. Взаимопонимание в учебных условиях: способы его достижения и причины отсутствия.....	131
С. В. Чебанов. Система техник понимания Г. И. Богина.....	133
И. П. Черкасова. Альтернативный мир поэтического цикла: понимание и интерпретация.....	135
Организационный комитет конференции.....	142
Сведения об участниках конференции.....	143
Оглавление.....	148